

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена Логанова

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

ПРИНЦ
В НЕГЛИЖЕ

Елена и Ирка

Елена Логунова

Принц в неглиже

«ЭКСМО»

2003

Логунова Е. И.

Принц в неглиже / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2003 — (Елена и Ирка)

Тележурналистка Елена и не подозревала, что найденный ею мешок с голым человеком в бессознательном состоянии круто изменит ее жизнь. И не только ее, но и закадычной подруги Ирки, влюбившейся в незнакомца. Мужчину отправили в больницу, но ведь известно, что любовь зла. И девушки решили навестить его. Однако «найденш» бормотал только по-английски и заявил, что его зовут Монте Уокер. А на следующее утро Монте перевели в... «психушку». Ирка была полна решимости выкрасть оттуда любимого. Подругам почти удалось это сделать. Но вся беда в том, что за Монте охотится его шеф, местный авторитет по кличке Беримор, на которого Уокер «стучал» полковнику милиции Лапокосову. Встречи с Монте жаждет и сам Лапокосов. Так кто же такой этот «кот в мешке»? Тем более что настоящий Монте Уокер давно погиб от рук мафии...

© Логунова Е. И., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Елена Логунова

Принц в неглиже

– А ну, сиди спокойно! – прикрикнула я на щенка, хватая его за ошейник.

Схватить было непросто, а удержать еще труднее: все-таки это не карликовый пинчер с тонкими паучьими ножками, а немецкая овчарка, необыкновенно крупная – в свои семь месяцев уже размером с иного взрослого пса.

Черно-рыжий мохнатый зверь осел на задние лапы и замотал головой, сопротивляясь. Я повернулась, быстро перешагнула через него одной ногой, крепко стиснула собачьи бока коленками и схватила щенка за правую лапу, одновременно стаскивая с нее рукав свитера. Левую лапу освободить было уже легче, а стянуть свитер с широким воротом с лохматой собачьей головы и вовсе просто.

Пес вырвался и помчался по клубничным грядкам, с удручающей точностью попадая лапами прямо в зеленые кустики.

– Томка, фу! – заорала я, распугав всю окрестную живность: с забора тяжело вспорхнула крупная ворона, а на веранде в доме раздался мягкий стук – видимо, упал с подоконника слабонервный кот.

Виножник переполоха, не выпуская из пасти надломленной ветки молодой черешни, сел и радостно забил хвостом.

– Отойди от дерева, санитар леса! – уже спокойнее проговорила я, пряча улыбку.

Месяц назад Томка тяжело заболел – пневмония. Помимо основного лечения, ветврач прописал ему местное тепло. Тогда-то я и пожертвовала любимой собачке любимым свитер. Рукава закатала, а низ, туго обтянув вязаным полотном грудную клетку псины, схватила на спине резинкой для волос. В свитере у Томки был необыкновенно комичный вид, он здорово смахивал на хоккейного вратаря в фуфайке, но теперь без одежды он казался мне непристойно голым.

– Пойдем гулять, нудист лохматый! – Я достала поводок.

Томас прыжками понесся к калитке, визжа и поскуливая от нетерпения. После болезни мы впервые выходили за ворота. Я посмотрела, как он скачет, и поняла, что на поводке мне его, пожалуй, не удержать. Ладно, пусть побегает всласть!

– Свободу честным собакам! – Я открыла калитку и выпустила Тома.

Пес вихрем пронесся вдоль ограды, разогнав стайку приبلудных дворняг, подзабывших, кто тут главный, и порысил по проселку, абсолютно не реагируя на мои призывы.

– Бе-гом! – скомандовала я сама себе, пускаясь за ним вдогонку.

В скорости я четвероногому другу сильно уступала. В левом кармане куртки тяжело брякали ключи, правый оттягивал галогеновый фонарик. Путаясь в подкладке, я на ходу достала его: быстро темнело. На фоне угасающего заката чернели недостроенные дома. Томка совершенно скрылся из виду. Эх, жаль, нет у него габаритных огней! В следующий раз перед прогулкой привешу ему на хвост небольшой автомобильный отражатель!

– То-ом! Ты где? – позвала я, в нерешительности останавливаясь на перекрестке.

Метрах в двадцати справа у незавершенной постройки смутно белел автомобиль. Выразительно звякнуло стекло, мужской голос что-то сказал, другой засмеялся. Обычное дело: рабочие-строители отдыхают после трудового дня.

– Боюсь, что мне туда. – Я спешно повернула направо, постаравшись по возможности бесшумно проскользнуть мимо белой машины, и не ошиблась.

– Сосиска! Где моя сосиска? – громко удивился невидимый в темноте мужчина, и через секунду, вынырнув из мрака, со мной поравнялся Том, как прямой ответ на вопрос о местонахождении искомой сосиски.

– Скотина ты бессовестная! – шепотом выругала я его. – Как тебе не стыдно! Можно подумать, дома тебя не кормят!

Виновато глянув, пес уселся и примирительным жестом протянул мне грязную лапу.

– Лапы в руки, дурень! – прошипела я. – Бежим отсюда, пока нас не взгрели!

В полном согласии мы покинули место преступления, и тут Томка снова исчез.

Где-то рядом был дренажный канал. Судя по шуму и треску, пес направлялся именно туда. Я встревожилась: полезет в холодную воду – снова заболеет!

– Вот глупая тварь! Том! Ко мне! Ко мне, Том! Ко мне!

Камыши затрещали громче.

Я навела фонарик, и слабый свет выхватил из темноты ряды сухих стеблей – среди них в классической позе Джульбарса, с честью выполнившего свой патриотический долг, восседал Томка, по-хозяйски положив правую лапу на большой мешок, под завязку набитый неизвестным добром.

– Добычливая собачка, – нервно хмыкнула я, начиная озираться в поисках законного владельца конфискованного Томкой имущества. – Пойдем-ка отсюда, пока ограбленный не вернулся с подкреплением.

И тут мешок тихонечко застонал.

Царапая ключом металл двери, я кое-как попала в замочную скважину, ворвалась в дом, хлопнула ладонью по выключателю и громко выругалась: опять отключили свет! А раз так – мой радиотелефон не работает. Ближайший таксофон – в жилом массиве, до которого минут двадцать хорошего галопа через поле. Это днем и в неплохую погоду. Я задумалась, нервно барабаня по железной двери.

Недовольный грохотом, из кухни бесшумной поступью привидения вышел белый кот.

– М-ма? – ворчливо спросил он.

– Вот именно, – невпопад брякнула я, скатываясь с крыльца и беря курс на белый дом на углу.

– Кто-о? – басом пропела Ирка в ответ на мой стук.

– Я! Открывай, сова, медведь пришел! – Это был наш пароль.

Ирка приоткрыла дверь, держа роскошный ветвистый канделябр с пятью свечами.

– Это осветительный прибор или оружие? – поинтересовалась я, протискиваясь в холл.

– Когда как, – ответила Ирка.

– Где твой сотовый? Давай его сюда, мне нужно «Скорую» вызвать!

– Тебе? – Ирка сунула канделябр почти мне в лицо. – А выглядишь вполне здоровой!

– Здоровая и есть, – отмахнулась я. – Ты дашь телефон или нет? У меня там голый мужик погибает...

– Это ему «Скорую»? – весело ужаснулась Ирка. – Ну ты даешь! Действительно, здоровая!

– Что ты выдумываешь? Я тут совершенно ни при чем! Алле! Алле, «Скорая»? Человеку плохо!

– Во мужики пошли, – сокрушенно вздохнула Ирка. – Не успел заголиться, уже плохо ему!

– Заткнись, пожалуйста, – попросила я. – Нет, девушка, это я не вам! Что? Да я не знаю, что с ним, и спросила бы, да он без сознания... Нет, температуру не мерила и пульс не считала! Да не знаю я его фамилию!

– Это ты зря, – заметила Ирка. – Я лично сначала все-таки знакомлюсь...

– Ах, моя фамилия... Адрес... Хорошо, жду. Спасибо. Приезжайте побыстрее!

Я отдала Ирке телефон и устало опустилась на мягкий диванчик.

– Я ничего не поняла, – честно сказала Ирка. – Объясни, пожалуйста, что еще за мужик?
Где ты его нашла?

– Не я, Томка нашел...

– Отличная у тебя собака! – восхитилась Ирка. – Одолжишь на недельку?

– Тебе нужна собака?

– Мне нужен мужик!

– Сама найдешь.

– Не скажи, – заметила Ирка, дама дважды разведенная и тяготящаяся своей свободой. – Мужики нынче на дороге не валяются!

– Этот именно валялся. В камышах, в мешке. Голый.

– Везет тебе! – Ирка завистливо вздохнула. – Голый мужик сам собой нашелся!

– Ир, – попросила я, – ты не встретишь «Скорую»? Я Томку оставила стеречь этого типа, боюсь, как бы его не украли...

– Запросто! – с жаром подтвердила Ирка. – Я бы первая украла! Ха, ничейный мужик, да к тому же голый!

– Я про Томку!

– Слушай, – задумчиво проговорила Ирка. – «Скорая» сюда будет целый час добираться! Твой голыш за это время окочурится!

– Он не мой.

– Тем более! Предлагаю перебазировать его ко мне и уже здесь дожидаться «Скорую».

Как думаешь?

– Лишь бы не ко мне, – кивнула я.

Ирка радостно заулыбалась.

– Тогда вот тебе ключи. – Она сунула мне в ладонь колючую связку. – Выводи машину, а я прихвачу аптечку и пару одеял.

Путь, который я на своих двоих бегом проделала за пять минут, на машине занял полчаса. Виновата была я: нервничая, не вписалась в поворот и слетела в пахоту, откуда пришлось выбираться. Ирка, превосходящая меня габаритами почти вдвое, толкала машину и вымазалась с головы до ног. Кое-как мы выбрались на дорогу, посеяв в борозде добрый кусок переднего бампера. Вдобавок я так гнала, что сгоряча в темноте проскочила нужное место, и только истощенный Томкин лай привел нас к цели.

Бросив машину посреди дороги, мы поспешили на зычный собачий глас: я впереди, Ирка следом. На ходу она непонятно возилась.

– Какого дьявола ты там копаешься? – рявкнула я, оборачиваясь, и обомлела: яростно чиркая зажигалкой, Ирка пыталась запалить свой канделябр.

– На черта тебе эта орясина?!

– Это не орясина, – с достоинством возразила Ирка. – В данный момент это осветительный прибор. Я не собираюсь покупать кота в мешке!

– Там не кот, – сердито заметила я. – И ты его вовсе не покупаешь, ты спасаешь ему жизнь!

– Ну, я не сенбернар, – заметила Ирка.

– Кстати, о сенбернарах – где мое чудовище?

Чудовище с треском выбралось из камышей, пугающе сверкая глазами: свечи наконец зажглись.

– Этот, что ли? – Высоко подняв пятисвечник, Ирка разглядывала мешок.

– Разве что подменили, – буркнула я, отбиваясь от соскучившегося пса.

– Ты даже не вытащила его из мешка! – укоризненно произнесла Ирка.

– Не хотела зря время терять, – оправдывалась я.

– Тогда почему ты решила, что он голый? Может, он в неглиже, – мечтательно произнесла Ирка.

Я присела на корточки рядом с ней и тоже заглянула в мешок.

– Все, что я вижу, голое. А эти твои фантазии... – Я не успела закончить фразу, потому что Ирка вдруг переменялась в лице и страшным голосом сказала:

– А вдруг он вообще там не весь?

– То есть? – Я испугалась. – Ты думаешь... расчлененка?! Да нет, что ты, он же дышит!

– Дышать-то он, может быть, и дышит, – непонятно хмыкнула Ирка.

– Хватит болтать, – одернула я ее. – Где твоя аптечка? Пациент ждет!

Ирка осторожно поставила канделябр и открыла аптечку. Подкравшийся Томка немедленно сунул туда морду.

– Фу! Пошел отсюда! – крикнула Ирка. – Ленка, убери своего зверя! Стой! Куда?!

– Не придирайся к собаке, – вступилась я. – Ты велела уйти, он и ушел. Хороший песик, Томочка, умница!

– Хороший песик спер горчичники, – сообщила Ирка.

– Ну и что? Этому парню горчичники нужны, как мертвому припарка!

– Тьфу на тебя! – Ирка зубами вытащила пробку из бутылочки, распространяя вокруг нашатырную вонь.

Я отодвинула край мешка, давая Ирке свободный доступ к телу. Она щедро окропила мешковину нашатырем и аккуратно накрыла мокрой тканью лицо пациента.

– Мертвого поднимет.

– Тьфу на тебя! – повторила я.

Пациент слабо шевельнулся.

– Вот видишь! – обрадовалась Ирка.

– погоди! – Перехватив ее руку, я остановила реанимационный процесс. – Не спеши! Не надо вытряхивать его из мешка!

– Почему?

– Без упаковки он будет нетранспортабельный. Как мы его затащим в машину? Я не Геркулес! В нем добрых восемьдесят кило, я думаю. У меня в подвале стоит точно такой же мешок с сахаром, центнер весит.

– Отойди, дохля! – с презрением проговорила Ирка.

Она бережно затолкала полураспакованного типа в мешок, стянула края, крикнула и одним рывком взвалила ношу на спину.

– Ого! – не удержалась я.

– А ты думала! Не такие носила! – Ирка погрузила мешок на заднее сиденье. – Поехали!

– Теперь ты за рулем. Мне придется делить место с Томкой.

Я забралась вперед, Томка с удовольствием влез туда же.

– Сиди смиренно, – терпеливо сказала я, снимая собачью лапу со своего плеча. – Ирка, я не поняла тебя: ты что, всех своих мужиков таскаешь на руках?

– Только в переносном смысле, – сквозь зубы процедила Ирка, срывая машину с места. – Ты забываешь, чем я себе на бутерброд с икрой зарабатываю! Мы, челноки, и не такие мешки тягаем!

Я кивнула, соглашаясь: Ирка – дама неслабая, утреннюю зарядку делает с пудовой гирей, которую я перемещаю с места на место исключительно волоком. А однажды я видела, как она жонглирует кирпичами, и это, скажу я вам, впечатляющий трюк! Ирка освоила его в стройотряде, в годы своего обучения в политехническом. Неплохое, как выяснилось, образование для коммерсанта новой формации...

Дико взвизгнув тормозами, машина ткнулась в Иркин забор.

– Ты его и выгружай, – решила я.

Ирка занесла мешок в дом, я шла следом, неся аптечку и невообразимые одеяла.

– Живой еще или как? – Ирка похлопала найденыша по бледным щекам.

– С ума сошла, так лупить! Если он еще живой, вполне может помереть от твоего хука справа! – Я оттеснила Ирку.

– А если мертвый, то ему уже все равно! – возразила она.

– Но тебе не все равно! Смотри, у него на морде твои отпечатки пальцев, доказывай потом, что не ты его уколола!

– Тихо!

Пациент вздохнул, ресницы его задрожали.

– Давай вытряхнем его из мешка! – Ирка энергично завозилась.

– Стриптиз – без меня. – Я скромно отвернулась.

– Это еще что такое? – Удивление в голосе подруги заставило меня обернуться.

– А ты не знаешь? Это кирпич! – язвительно ответила я. И вдруг встревожилась: – Ирка!

Ты же не собираешься огреть его кирпичом?

– Уже, – виновато проговорила Ирка, поспешно отбрасывая кирпич в сторону.

– Что – уже?

– Уже огрела! Я не хотела, взялась снизу за мешок, трянула – а это и выпало.

– И куда выпало? – прокурорским тоном спросила я. – То бишь куда попало? На голову?

– Да нет, не на голову. На спину. Ну, почти на спину...

– А. – Я немного успокоилась. – Тогда нестрашно. Он вроде бы дышит?

– Сейчас послушаю!

Мы затаили дыхание и услышали: громыхая и подпрыгивая на колдобинах, по проселку сайгаком скакала карета «Скорой помощи».

Кому как, а мне с приходом «Скорой» полегчало: пожилой врач внушал доверие, и я с готовностью переложила на него ответственность за здоровье пациента. Мое внимание всецело заняло упорное стремление Томки непременно забраться внутрь фургона. Пока я пасла свою собаку, доктор принял решение госпитализировать нашего голыша.

– Увезли больного, – пробормотала Ирка.

– Куда его? – запоздало заинтересовалась я, когда габаритные огни фургона растворились в ночи.

Из темноты доносился затихающий лай Томки, сопровождавшего «Скорую» по собственной инициативе.

– В Первую городскую больницу, – ответила Ирка, поднеся к глазам бумажку с адресом и телефоном.

– Вот и славно, – сказала я. – Спокойной ночи! Увидимся утром.

Все только начиналось.

Упомянутое утро кое-кто начал тревожно.

– Где Серж?

– Не знаю, – честно ответил Бурундук.

Хозяину врать нельзя, это правило соблюдалось железно.

– Так, – озабоченно бросил Беримор. Пальцы его сами собой пробежались по клавиатуре, и на экране компьютера появились буквы: «Так». Дурная привычка: Беримор в любой ситуации сохранял непроницаемое выражение лица, но руки его порой выдавали.

– Когда ты его видел в последний раз?

На этот вопрос Бурундук тоже ответил правдиво:

– Вчера. – Немного подумал, напряженно сведя брови, уточнил: – Вечером, часов в шесть.

– Где?

– В мешке.

– Где-е?! – Беримор приподнял брови. Палец его так и застыл на кнопке с символом Е.

– В мешке, – повторил Бурундук, с интересом косясь на экран.

– В каком мешке? – Беримор поздно сообразил, что спросить надо было иначе. Бурундук отвечал только на конкретно поставленный вопрос.

– В обычном, – охотно пояснил он. Хозяин молчал, Бурундук решил, что сказанного ему мало, и добавил – Значит, так: мешок новый. Серый. С одной заплаткой, а так хороший, крепкий мешок – для сахара там, для муки, для картошки...

– Или для Сержа, – буркнул Беримор. – Почему в мешке?

– Ну как – почему? – Интерес хозяина к деталям его работы Бурундуку польстил. Он охотно делился маленькими секретами – В нем намного удобнее: и тащить легче, и внимания не привлекает. Конечно, можно еще в чемодан засунуть или там в ковер завернуть, но такой большой чемодан денег стоит, а ковер в одиночку не унести...

– Бож-же мой! – пробормотал Беримор.

Он схватил левой рукой сигарету, а правой – зажигалку. Не сводя глаз с безмятежного лица Бурундука, слепо повел одну руку навстречу другой, и пламя золотой зажигалки «Zippo» опалило розу в букете.

– Сядь, – бросил он Бурундуку. – Давай по порядку.

Тот с удовольствием плюхнулся в мягкое кожаное кресло, сложил ладони на коленках и приготовился излагать по порядку.

Бурундуком Васю Зверева окрестили не жулики-разбойники где-нибудь на зоне или в воровской малине, а назвал так отличник и умница Петя Мишин – еще в стенах родной средней школы № 14. Петя был личностью известной и популярной. Его математические способности широкую общественность волновали мало, но у Пети был и другой ценный дар: он придумывал удивительные клички, красивые и звучные, как родовые имена породистых аристократов, да еще и прилипающие намертво. Потапыч, то есть Мишин, – это была «фирма» почище Кардена или Диора. В разгар апокалипсиса большой перемены, когда банальные призывы: «Вова! Вова!» – бесследно тонули в оглушительном шуме, достаточно было веско произнести: «Вервольф!» – и безымянная мелюзга в почтительной тишине расступалась перед гордым носителем звучного имени.

Ссориться с Потапычем опасались: кому охота именоваться Шваброй или Вошкой! Даже педагоги слегка заискивали перед ним, ибо одна особенно крикливая учительница получила в пожизненное пользование кличку Лайка.

Вася Зверев этим обстоятельством недальновидно пренебрег. Втайне сгорая от желания сделаться обладателем красивой и звучной клички, он дерзко заступил Потапычу дорогу в школьном коридоре, оттеснил плечом верного Петиного телохранителя – восьмиклассника Бармалютку – и сказал:

– Здорово, Потапыч!

– Кто таков? – через плечо спросил Петя у угрюмо сопящего Бармалютки.

– Зверь! – ответил сам Вася, надеясь, что Потапыч милостиво кивнет и тем официально одобрит его самозванство.

– Зверь? – повторил Петя, критически оглядывая округлую Васину фигуру и толстощековую физиономию с маленькими блестящими глазками. – Зверь бурундук!

– Бурундук, бурундук! – с готовностью подхватила мелкота вокруг, и Вася понял, что его окрестили.

Еще сомневаясь, он сгреб за лямки белого фартучка очкастую умницу Семенову и грозно спросил:

– Кто такой бурундук?

– Бурундук – это... – бодро начала Семенова, намереваясь отбарабанить статью из энциклопедии, но вовремя сообразила и дипломатично закончила: – Такой зверь, вроде медведя...

В отличие от Васи Бурундука Сергей Петрович Никонов свою кличку не афишировал. Беримором его прозвали еще в студенчестве за сходство с чопорным дворецким из фильма «Собака Баскервилей»: Серега Никонов замечательно умел придавать своему лицу непроницаемое выражение уныло-гордого равнодушия. Маска англосаксонской невозмутимости прилипла к его лицу прочно, кличка – тоже, но только старые друзья, с которыми Серега жил когда-то в одном общежитии, знали, что Беримор сокращается в Берри.

Впрочем, этих старых друзей осталось совсем немного – трое-четверо, не больше. Вот и Димка Шустов, Дима-Шустрик, получил свой земельный надел на кладбище – правда, на Новодевичьем, в стольном граде Москве, но ему-то от этого не легче! При жизни дружок Дима поднялся высоко, по кремлевским коридорам хаживал, вникал в жизнь великих, был сопричастен большим делам и к скромному, по столичным меркам, бизнесу Сергея Петровича относился насмешливо-снисходительно. После университета они и встретились-то всего раз-другой, дружбу не водили, так, доходили иногда до Беримора слухи да сплетни, но и только.

О дурацкой гибели Шустрика под колесами мусороуборочной машины Сергей Петрович тоже узнал с чьих-то слов, пожалел, конечно, но и усмехнулся: надо же, Шустова дерьмовоз задавил! Ладно бы «Линкольн» или «мерс», было бы не так обидно! Пижон Димка, наверное, до сих пор в гробу переворачивается!

А потом посылочка пришла – от покойничка, словно с того света...

Нет, принесла-то плоскую бандероль в коричневой бумаге с сургучными печатями совершенно обычная баба, пожилая усталая почтальонша в синей форменной куртке. Расписавшись в получении ценного почтового отправления, слегка удивленный Беримор принял из обветренных рук тетки невесомый сверток, изучая, поднес его поближе к глазам и прочитал фамилию отправителя: Шустов Д.П.!

Шустрик к тому времени уже с неделю как обрел последний приют в сырой земле, поэтому сначала Беримор подумал, что стал жертвой чьей-то глупой и злой шутки. Осторожничая, он отложил было подозрительную бандероль в сторону, полдня ходил мимо кабинета, покусывая ногти, но любопытство взяло верх, и к вечеру Беримор не выдержал. Он решительно разорвал коричневую бумагу, извлек плотно завернутую в ячеистый целлофан компьютерную дискетку, повертел ее в руках – странно, ни наклейки, ни сопроводительной записки! – и вставил в дисковод.

Уже через минуту Беримору стало ясно, что дискету ему прислал действительно Димочка. У того смолоду была просто патологическая страсть к чужим секретам и опасным тайнам. Шустрика хлебом не корми, дай только поинтриговать, побегать тайными ходами, пошпионить за занавесками – прямо-таки рыцарь плаща и кинжала! Скрытые маневры сопровождали все движение Димочки по жизни, очевидно, и его блестящая политическая карьера строилась на фундаменте из нарытого им чужого дерьма... Но на сей раз любитель чужих секретов явно переборщил, тайна, которую он раскопал, накрыла его могильной плитой. А теперь и Беримор рисковал с концами нырнуть в кубанский чернозем: подробнейшая информация о том, как, куда и с чьей легкой руки уплыли пресловутые «деньги партии», стоила дорогого. Например, жизни.

– Сволочь ты, Шустрик, – нарушая неписаное правило не говорить о покойниках плохо, бессильно выругался Беримор.

Он глядел на экран монитора, где появлялись адреса и реквизиты зарубежных банков и фамилии людей, которых Беримор в отличие от пронырливого Шустрика видел только по телевизору.

Правда, некоторые из громких имен уже можно было обвести черной рамочкой – иных уж нет, а те далече... Но как минимум два человека из тех, кто, судя по компромату, приделал

ноги легендарным капиталам КПСС, были вполне при делах, в полной власти, у штурвала и в силах раздавить любого, кто встанет у них на пути.

Зачем поганец Шустрик прислал ему проклятую дискету, Беримор не понимал. Отправил бы ее в какой-нибудь «Микрополис» или какое другое издание, специализирующееся на скандалах! Хотя нет, ни один нормальный редактор этого не опубликовал бы... Вероятно, с Димочкиной стороны это был жест отчаяния, пройдоха понял, должно быть, что его вот-вот размажут, и в бессильной злобе и смутной надежде на отмщение послал дискету тому, у кого ее вряд ли станут искать. Надо признать, Шустрик неплохо знал старого приятеля: Беримор никогда не решился бы дать ход полученному компромату, но и уничтожить злополучную дискету не рискнул. Положил в дальний ящик и постарался забыть о ней, будто и не было ничего. Авось пронесет...

Выходит, не пронесло.

Сергей Петрович невольно вздрогнул, стряхнул оцепенение и кивнул терпеливо ожидающему Бурундуку:

– Рассказывай.

– А че рассказывать-то? – замялся тот.

Беримор сосредоточился и сформулировал вопрос с поправкой на Васин коэффициент интеллектуального развития:

– Вчера вечером ты видел Сержа. Что было потом?

– Ага, – подхватил Бурундук. – Ну, значит, увидел я его. Вчера. В восемь вечера. Говорю: ты че, Серж? Куда намылился? Постой минутку, хозяин разобраться велел!

– Что-о? – Беримор сцепил пальцы в замок.

– А что? Вы же велели разобраться?

Сергей Петрович чертыхнулся.

Накануне днем, возвращаясь в офис после обеда, он велел шоферу остановить машину у цветочного рынка и вышел купить букет – предстояло спешно нанести полуделовой визит серьезной даме. Придирчиво выбирая цветы, Беримор совершенно случайно заметил знакомую фигуру: его референт и полный тезка Сергей Петрович Максимов, называемый во избежание путаницы просто Сержем, быстро шагал от остановки трамвая.

«А где же его «жигуль»?» – машинально подумал Беримор.

Серж нырнул в проходной двор.

Забыв про букет, Беримор поспешно вернулся в машину, велел шоферу объехать квартал и успел увидеть, как Серж закрывает за собой дверь одноэтажного кирпичного здания с новой блестящей табличкой на красной стене. «Частное сыскное и охранное агентство «Шерлок», – прочитал Сергей Петрович.

– Проезжай, – буркнул он водителю, откидываясь на сиденье.

Настроение у него испортилось. Беримор понимал, что агентство «Шерлок», с деятельностью которого ему, впрочем, пока не приходилось сталкиваться, наверняка не более частное, чем Госбанк: половину вольных пинкертонов прикармливает местная мафия, а другую явно или втемную использует Контора. При таком раскладе в любом случае следовало ожидать неприятностей. Подумав, Беримор отметил как наиболее вероятные два варианта: либо братья-бизнесмены – «белая» мафия – хотят слопать его фирму, либо органы пасут лично его, Сергея Петровича Никонова, и тогда дела его совсем плохи, ибо это значит, что они вышли на Димочкину посылку.

Второй вариант не хотелось даже обдумывать. Впрочем, первый представлялся более реальным: Беримор хорошо знал, как делаются такие дела. Сначала серьезные люди с хорошим аппетитом пристраивают в ваше дело своего маленького человечка на скромную должность охранника или уборщицы, потом начинают упорно двигать его вверх, заполняя попутно осво-

бождающиеся ниши своими протезе, пока полностью не оккупируют вашу кормушку. Кстати говоря, Сержа Сергею Петровичу рекомендовал знакомый банкир.

– Вот гад, – пробормотал Беримор, отрывая верхнюю пуговку на крахмальной рубашке.

– А? – переспросил Вася с переднего сиденья, оборачиваясь к хозяину.

– С Сержем надо разобраться. – Сергей Петрович не заметил, что выразил свои мысли вслух.

Бурундук тогда послушно кивнул и отвернулся.

Сейчас Беримор вспомнил все это и в общих чертах представил дальнейшее развитие событий.

– Так. Я все понял, – угрюмо проговорил Сергей Петрович. – Еще только одно: чем ты его?

Бурундук вздохнул. Он понимал, что ответ хозяину не понравится, но должен был сказать правду.

– Сквородкой. Тефлоновой. Фирмы «Тефаль». Мы как раз в торговом зале были, у витрины с посудой, вот она мне под руку и попалась... А че, сам виноват! Я ему: постой, мол, поговорим! А он: «Ты че, Бурундук, озверел?» Поиздевался, значит...

– Угробил? – безнадежно заключил Сергей Петрович.

Вася неожиданно обрадовался:

– Да ну, че ей станется? Это ж сквородка! Тефлон, он хоть и легкий, но прочный, даже не погнулась! Я ее назад, в витрину, засунул, сегодня ходил посмотреть, так ее уже купили!

Беримор невесело хмыкнул. Оборвал лепестки с розы в вазе. Снова озабоченно посмотрел на Васю.

– Секунду! Я тебя спросил, где сейчас Серж, а ты сказал, что не знаешь! Как так?

Бурундук помрачнел:

– Вот я снова по порядку. Вечером зашел я в магазин, народу уже никого не было, ни чужих, ни своих, один Трофимыч, сторож наш, в кухне копошился, ужин свой в микроволновке грел... То есть он сначала меня впустил, а потом в кухню пошел... Ну и Серж неугомонный в кабинете у компьютера возился...

– Возился, говоришь, – повторил Беримор, мрачней пуще прежнего.

– Ну да. Вызвал я его в торговый зал, там мы и того... поговорили... Потом дал я, значит, Сержу по башке сквородкой, он свалился. Я послушал – вроде мертвый. Ну, думаю, куда его? Я-то на такой случай место давно приглядел. Знаете, за Пионерским микрорайоном железка, за железкой лесопилка, а за лесопилкой большое поле, его частникам под застройку дали. Посреди поля – канава глубокая, вроде озера. Вокруг камыши, тихо, пусто, летом еще рыбаки сидят, а сейчас никого... Самое подходящее место!

Ну, Сержа дохлого я раздел, чтобы, если что, по одежде не опознали, хотел его в коробку затолкать – была одна подходящая в подсобке, не коробка – прямо двуспальный гроб! Ну, от того домашнего кинотеатра, что в ваш кабинет поставили. Но куда мне коробку? Не на грузовике же ее везти! Так что пошарил я еще в подсобке, нашел мешок, сунул в него Сержа, туда же пару кирпичей со двора – это чтобы, значит, Серж не всплыл. Выволок его черным ходом, положил в багажник и отвез к той самой канаве. Семь вечера, темным-темно. Я мешок с Сержем занес в камыши, скатил с горки, а плеска нет: не упал, значит, в воду. Поискал, поискал – не нашел. Думаю, приеду раненько утром и найду...

– И не нашел, – догадался Беримор.

– Не нашел, – уныло согласился Бурундук.

Сергей Петрович побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, перегнулся через стол к Бурундуку и жестко сказал:

– Так ты найди его, Вася. Живого или мертвого найди!

– Не, живого – вряд ли, – сокрушенно заметил Бурундук. – Тefлоновая сковорода – она знаете какая крепкая!

Часом позже Вася еще раз прочесал местность в районе дренажного канала. В руках у него была бамбуковая удочка, которой он периодически шарил в камышовых зарослях, пугая лягушек. Ни Сержа, ни мешка Бурундук не нашел, расспрашивать соседей остерегся.

Тем временем Беримор, откровенно нервничая, принял необдуманное решение обратиться за помощью к необычному специалисту. Он приехал в центр города, к многоэтажному зданию, в котором размещались офисы множества разнопрофильных фирм, по стертým ступеням поднялся на второй этаж и нашел солидную деревянную дверь с табличкой: «ИЧП «Фортуна»».

В приемной Беримора встретила красивая девушка в белом халате, похожая на Снегурочку. Он ответил на несколько вопросов, Снегурочка-медсестра пригласила его пройти в кабинет, и он побрел к двери, не сводя глаз с лежащей на его ладони глянцевой визитной карточки: «Д-р Пиктусов. Прогнозирование и оперативная коррекция судьбы».

Беримор прошел по красной ковровой дорожке к просторному столу светлого дерева и выжидающе замер. Спинай к столу в мягком офисном кресле полулежал лысоватый мужчина в голубом халате, туманный взгляд его был устремлен на стену, украшенную пошлым горным пейзажем в белой рамочке.

– Доктор?

– Секундочку! – не оборачиваясь, сказал д-р Пиктусов. Он нервно вскинул руку. – Идет информация... Все, астрал недоступен. – Опуская руку, доктор потер висок, поморщился и эффектно, вместе с креслом, повернулся к Беримору.

– Здравствуйте, доктор.

– Здравствуйте! – Пиктусов с готовностью поднялся, перегнулся через стол и крепко стиснул руку пациента. Что-то громко хрустнуло. Смятая визитка подбитым голубем упала на стол.

– Так, – с удовлетворением сказал доктор, пробежав глазами текст. – Ну? Я вас слушаю.

– Прогнозирование, – подсказал Беримор, хрустнув пальцами.

Доктор жадно завладел протянутой ладонью, придавил ее густым белым светом лампы и завис выпуклым карим глазом над мощной лупой. Беримор недоверчиво поглядел на голую макушку доктора и перевел скучный взгляд на такую же голую вершину горы на картине.

– Ну что же, оч-чень вовремя! – сказал Пиктусов, одобрительно похлопав вздрогнувшего пациента по локтевому сгибу. – Считайте, успели!

– То есть? – переспросил тот.

– То есть успеете, если поторопитесь!

Беримор вопросительно приподнял бровь. Пиктусов быстро глянул на часы, радостно кивнул и сообщил:

– Похоронное бюро дальше по коридору. Рекомендую, останетесь довольны!

– Оставьте ваши штучки, доктор. – Как человек деловой, Никонов безошибочно чувствовал, когда его кто-нибудь хотел раскрутить. – Не нужно меня запугивать, просто скажите цену. Мне нужно найти одного человека, и, если вы мне поможете, я хорошо заплачу.

– Поиски пропавших – не мой профиль, слишком мелко, – покачал головой Пиктусов. – Этим занимаются низкочастотники. Советую вам пойти к гадалке, к экстрасенсу, а еще лучше – в милицию.

– Только не в милицию. – Беримор улыбнулся уголками губ и застучал пальцами по столешнице.

Пиктусов внимательно посмотрел ему в лицо.

– Доктор, я не знаю, как вы это делаете, – настойчиво продолжал Беримор, – но в прошлом году с вашей помощью генеральный директор строительной компании «Око века» нашел свою жену. Помните, она сбежала с его бухгалтером и парой-тройкой миллионов? Он нашел все: жену, бухгалтера и деньги.

– С моей помощью? – повторил доктор, пощипывая мочку уха.

– Так он мне сказал, когда давал эту визитку и советовал обращаться к вам в крайнем случае. Я все хотел расспросить его поподробнее, но не успел: в прошлом месяце он умер от инсульта.

– Это все глупости, вы пришли не по адресу, до свиданья. – Оттолкнувшись, доктор развернул свое кресло спинкой к столу.

– Он говорил, что я должен попросить вас произвести оперативную коррекцию.

Доктор медленно повернулся к нему профилем. Беримор вынул из кармана бумажник и положил его на стол. Доктор показался анфас.

– Тысяча долларов, – с нажимом произнес Сергей Петрович. Очень приличная сумма для провинциального эскулапа. – Или полторы?

– Две, – сказал Пиктусов таким тоном, что посетитель понял: торг здесь неуместен. – Рассказывайте.

Очень аккуратно подбирая слова и опуская детали, Беримор изложил суть проблемы.

– Да-да, я уже понял, когда смотрел вашу руку, – кивнул доктор. – Вам не везет, но это я могу поправить.

– И тогда я найду Сержа? – уточнил Беримор, которому таинственное исчезновение тезки казалось началом конца.

– Весьма вероятно. – Пиктусов задумчиво повертел в пальцах кредитки. – А чем жертвуем?

Беримор непонятливо посмотрел на него, потом на свой бумажник.

– Речь не о деньгах, – улыбнулся доктор. – Позвольте, я попробую объяснить...

Он покосился на руку Беримора, пробормотал что-то нелестное про линию ума, вздохнул, помолчал и начал:

– Представьте себе, что жизнь – это торт: с кремом, с вареньем, с изюмом, марципанами и прочей петрушкой. Каждый получает свой кусок. Ваш, к примеру, с повышенным содержанием шоколада, но очень маленький, и вы хотите не его, а другой, побольше. Пожалуйста! Но там или шоколада нет, или тесто сырое, непеченное. Не нравится? Вот еще кусок – побольше, с розочкой, только корочка пригорела. Вот и выбирайте. – Доктор склонил голову набок и с интересом воззрился на Беримора.

– Хорошо бы большой, шоколадный и с розочкой, – сказал тот, открывая бумажник. Подумал и веско добавил – И с орехами. И с вареньем.

– Увы, так не получится! – Пиктусов развел руками. – Баланс! Кто хочет длинную линию жизни, должен расплачиваться удачей, везеньем в любви – и наоборот. Есть, конечно, другие варианты: к примеру, можно линию ума урезать. – Доктор снова покосился на ладонь пациента и оскорбительно осекся. – Что бы еще? Жаль, у вас чувство юмора выражено неярко – мизинец, я вижу, не заострен, это явный признак... М-да, выбирать-то не из чего, трудный случай! – Он досадливо почесал лысину.

– Сделайте, что сможете, – попросил Беримор.

– Ну, это ваше решение.

Доктор поднялся из-за стола, прошел к раковине, вымыл и высушил руки, надел перчатки.

Просунув онемевшую от наркоза кисть за белую ширмочку, Беримор прислушивался к звяканью инструментов.

– Готово! – глухо возвестил наконец Пиктусов из-за ширмы.

Беримор посмотрел на свою перевязанную ладонь.

– Я сделал то, что вы просили, – предупредил вопрос доктор. – Вам начнет везти – может быть, не сразу, не все пациенты одинаково восприимчивы, но очень скоро.

– Спасибо. – Беримор пошел к двери.

– Да, еще кое-что: я попросил бы вас не распространяться о случившемся.

Беримор кивнул и вышел в приемную.

– Следующий, прошу вас, – пригласила Снегурочка.

Рослый парень в желтой кожаной куртке, скользнув по вышедшему внимательным взглядом, решительно вошел в кабинет доктора и плотно прикрыл за собой дверь. Беримор неловко полез в плащ, путаясь в рукаве прооперированной рукой.

– Дора, приготовьте нашему гостю выпить! – прозвучало из динамика.

Беримор отметил, что ему-то выпить никто не предложил, но не обиделся. Какие мелочи! С некоторым опозданием он подумал, что надо было все-таки узнать у Пиктусова, чем именно он пожертвовал ради обещанного везения. У Беримора возникло нехорошее предчувствие – впрочем, он просто проходил мимо бюро ритуальных услуг. Таблички «Похоронные принадлежности оптом и в розницу» и «Постоянным клиентам скидка» его позабавили, он слабо улыбнулся. Пусть подавленное, чувство юмора все же осталось при нем.

Спускаясь по ступенькам крыльца, Беримор озабоченно посмотрел на небо: собирался дождь, а машина с шофером ждала его на стоянке за два квартала. Позвонить водителю на сотовый или самому пройти пешком? Пока он думал, разглядывая тучи, мимо промчалась девчонка на роликах, обронив на тротуар банановую кожуру.

Пожалуй, можно пройтись. Беримор качнулся вперед. Ангел-хранитель в ужасе взвизгнул и малодушно закрылся крылом. Линия жизни на ладони Беримора задергалась, сокращаясь. Он вытянул ногу, почти коснулся опасной кожуры и... отлетел в сторону, отброшенный сильным толчком в плечо.

Мужчина в желтой кожаной куртке наступил на банановую шкурку, поскользнулся и с размаху грохнулся на тротуар. Беримор удивленно посмотрел на забинтованную руку несчастного, слегка пожал плечами и зашагал к машине. Не повезло парню!

Ближе к обеду мы с Ирккой мирно пили кофе у меня на веранде, поглядывая в окно на лужайку и обсуждая, не использовать ли как травокосилку козу, проживающую на недалекой ферме. Все прочие инструменты, от маникюрных ножниц до электрической газонокосилки, я уже испытала, но нашла, что процесс в любом случае остается угнетающе трудоемким.

– Ну, нет! – воскликнула вдруг Ирка с удивившей меня горячностью.

– Почему – нет?

– Нет, нет и нет! – снова закричала Ирка.

– Итого, четыре, – машинально подсчитала я.

– Чего – четыре? – хлопнула она ресницами.

– Четыре раза «нет». Но почему? Тебе не нравятся козы? Ты о чем думаешь, а? – Я наконец поняла, что она меня просто не слушала.

– Не могу, – сокрушенно вздохнула Ирка. – Понимаешь, не могу так! – Она шумно отодвинула деревянный табурет, встала и повернулась ко мне, уперев кулаки в бока. – Уж если мы не дали человеку помереть, надо хотя бы поинтересоваться, как он после этого живет!

– Ах, вот оно что. – Я пожалала плечами. – Ира, мы поступили гуманно и благородно, но теперь ты собираешься сделать глупость: по-моему, не следует нам впутываться в сию подозрительную и опасную историю еще глубже. Разве не ясно, что мы предотвратили попытку убийства? Право, я удивляюсь, почему нас не беспокоит милиция... Погоди-ка... Ведь это ты объяснялась с бригадой «Скорой помощи»! Точно, я как раз вышла во двор – согнать с носилок Томку! Признавайся, что ты им наплела?

– Ничего особенного. – Ирка независимо шмыгнула носом. – Я же не полная идиотка! Думаешь, не сообразила что к чему? Сообразила, да только поняла еще кое-что: те, кто пытался парня убить, узнав, что дело сорвалось, захотят довести его до конца! Вот я и наврала, что муж у меня лунатик...

– Какой муж? У тебя же нет мужа!

– Ну и что? По-твоему, у меня не может быть мужа в принципе? – Ирка надулась.

– В принципе – сколько угодно, но ведь на самом-то деле...

– Доктор этого не знал, – перебила меня Ирка. – Он очень милый человек, тощенький такой, в очках, усталый до одури... Он мне поверил, что муж мой – лунатик, ночью – как был, голый – встал с постели, пошел бродить по дому, упал с балкона в клумбу и сильно ударился головой!

– Бред какой-то, – поморщившись, заметила я.

– Вовсе не бред! Сама подумай: мужик-то наш был землей перепачкан, в волосах – трава и репы, не могла же я сказать, что он к дверному косяку приложился!

– Ну, положим, – согласилась я. – Так или иначе твоя версия прошла. Чего тебе теперь? Пострадалец наверняка уже пришел в себя, рядом с ним любящая жена и семеро детишек...

– На нем не было обручального кольца, – неуверенно заметила Ирка.

– На нем, если ты помнишь, вообще ничего не было, – отрезала я.

– Но он мне понравился, – убитым голосом призналась она и посмотрела на меня грустными глазами.

Такой страдальческий взгляд бывает иногда у моего Тома. Правда, хитрая псина обычно притворяется, чтобы меня разжалобить, а Ирка не обманывала. Она вообще не из категории притворщиц и кокеток, обычно режет правду в глаза. Может быть, именно из-за этого с мужиками подруге фатально не везло, хотя всегда находились любители и ценители ее типа женской красоты. Ирка сама была довольно переборчива, и впервые на моей памяти мужчина понравился ей сразу и крепко запал в душу. Существует ли любовь с первого взгляда? Видя, что творится с Иркой, я склонна поверить, что так оно и есть.

– Зар-раза, – шепотом выругалась я, не в силах выдержать ее мученического взгляда. – Хорошо! Мы его навестим!

Ирка просияла.

– Ты настоящая подруга! – торжественно возвестила она. – Собирайся, я бегу за машиной. По дороге заскочим на рынок, купим витаминов.

Выслушав Васин отчет о повторном посещении им приозерной местности, Беримор взял поиски Сержа в свои руки. Определив со слов Бурундука характер полученной Сержем травмы, он методично обзвонил все указанные в телефонном справочнике медицинские учреждения, сделав исключение для женских поликлиник, родильных домов и двух диспансеров – туберкулезного и кожно-венерического. Телефонные разговоры заняли немало времени, потому что качество связи оставляло желать лучшего, Беримор то и дело попадал не туда, а иные неправильные соединения могли совершенно деморализовать человека со слабыми нервами. Хотя Беримор себя таковым не считал, неожиданно произнесенное глубоким басом: «Городское кладбище, здравствуйте!» – надолго выбило его из колеи. Психологической разрядки ради Сергей Петрович обругал подвернувшегося под руку Бурундука и послал приходящую экономку в аптеку за валерьянкой. Хлебнув для бодрости, он заставил себя вернуться к телефону и продолжил поиски.

Его настойчивость была худо-бедно вознаграждена. Спустя несколько часов выяснилось, что Сергея Петровича Максимова нет нигде, но зато сразу в трех городских больницах имеются безымянные пациенты, подходящие под описание Сержа. По всем адресам для личной проверки был срочно направлен Вася Бурундук, вооруженный цветной фотографией пропав-

шего, аккуратно вырезанной из ламинированного беджа. Беримор остался сидеть у телефона, ожидая Васиного звонка и нервно кроша в конфетти принесенные ему на подпись бумаги.

Полковник Лапокосов ждал агента Шило ровно в полдень в торговых рядах, отведенных администрацией рынка для реализации фруктов. Место встречи подсказала внешность полковника, точь-в-точь соответствующая описанию среднестатистического «лица кавказской национальности»: полковник был смуглым, усатым и носатым брюнетом. Надвинутая на глаза кепка-аэродром довершала маскировку.

Далеко не славянская внешность полковника всегда удивляла его знакомых и родных в Рязани, особенно неприятно папу. Согласно семейному преданию, по материнской линии в роду Лапокосова были цыгане.

Зато в интерьер южного рынка полковник вписывался идеально. Медленно фланируя вдоль прилавков, изобилующих сухофруктами, орехами и цитрусовыми, Лапокосов важными кивками отвечал на непонятные ему эмоциональные речи грузинских, армянских и адыгейских торговцев, периодически брал на пробу дольку апельсина или кусочек кураги и незаметно окидывал покупателей острым взглядом из-под козырька кепки.

Время шло, агент Шило не появлялся. Продавцы фруктов посматривали на полковника с возрастающим подозрением и уже не спешили предлагать ему свой товар. Лапокосов, которого от восточных сладостей начинало мутить, купил у наиболее крикливого торговца апельсин и остановился у края ряда, чтобы не мозолить глаза продавцам.

– Почем апельсины? – деловито спросила его румяная баба с зажатым в кулаке кошельком.

– Тридцать, – честно ответил полковник, вдумчиво очищая оранжевый плод.

– Беру четыре кило.

До Лапокосова дошло, что его приняли за торговца. Торопясь отделаться от бабы, он, не подумав, сказал:

– Тогда сорок.

– Четыре кило, – повторила покупательница, нетерпеливо перебирая ногами.

– Да пройди ты чуть дальше, – толкнула я Ирку в широкую спину: очень не нравилась мне ее манера покупать, не торгуясь. – Посмотри, там апельсинов этих – завались, выбирай – не хочу.

– Вот я и не хочу выбирать, – уперлась Ирка. – Зачем нам идти дальше? Мы спешим, эти апельсины меня вполне устраивают, и цена тоже...

– Пятьдесят, – вовремя вставил реплику внимательно слушающий носатый мужик.

– У, спекулянт! – Я буксиром тянула Ирку дальше.

Полковник демонстративно вонзил зубы в апельсиновую мякоть. Это возымело действие.

– Чтоб ты подавился! – с чувством произнесла румяная баба, отходя прочь.

На ее месте рядом с Лапокосовым тут же возник человек в форме:

– Попрошу документики!

Полковник быстро оценил ситуацию: на него было устремлено слишком много взглядов, доставать служебное удостоверение значило засветиться. Он посмотрел на свой «Ориент» – агент Шило опаздывал уже на час – и, перехватывая инициативу у стража порядка, негромко сказал:

– Пройдемте...

Ирка не торгуясь купила четыре килограмма апельсинов, что яснее ясного доказывало: она не в себе. В нормальном состоянии подруга, сама подвизающаяся в сфере торговли, не

постеснялась бы объявить четверть пуда оптовой закупкой и потребовать скидок. И вообще, зачем четыре-то кило? По моим подсчетам, этого хватило бы на полдник всему отделению, но влюбленная Ирка – натура широкая, для милого ей ничего не жалко, а наш найденыш, похоже, уже занял в ее чувствительном сердце уголок. И имел все шансы оккупировать площадь полностью.

Прорвав хлипкий кулек, оранжевые шары весело перекатывались у нас под ногами, пока мы ехали в горбольницу.

– Боулинг какой-то, – недовольно сказала Ирка, быстро глянув себе под ноги: один апельсин закатился между педалями. На светофоре, перебрасывая правую ступню с газа на тормоз, Ирка резким движением похода забила нахальный фрукт под кресло.

– Скорее уж хоккеем с мячом, – поправила я ее.

Всю дорогу мы спорили, надо ли напоминать больному обстоятельства нашего знакомства, рискуя усугубить вероятную моральную травму, или лучше соврать что-нибудь правдоподобно-нейтральное. Ирка ратовала за честность, я предлагала дипломатично обойти скользкий момент и назваться представителями какой-нибудь благотворительной организации. За названием не нужно далеко ходить: только вчера наша съемочная группа освещала предвыборное мероприятие некоего доктора Пиктусова «Рука на пульсе» – дискотеку, на входе в которую студентам вручали бесплатные презервативы.

– В интересном месте щупает пульс уважаемый доктор, – фыркнула Ирка.

– Кто про что, а вшивый про баню, – едко заметила я в ответ, цитируя свою прабабушку – неиссякаемый кладезь произведений устного народного творчества.

Так и не придя к единому мнению, мы вошли в травматологическое отделение больницы, у раздраженной санитарки выяснили, что у них действительно имеется «ничейный мужик с головой», то есть с черепно-мозговой травмой, узнали номер палаты и решительно протопали по коридору в указанном направлении.

– Можно? – сладким голосом пропела Ирка, не без изящества просовывая голову в шестиместную палату, набитую увечным народом преимущественно мужского пола.

– Можно! – радостно заорал какой-то румяный больной с загипсованной ногой. Руки у него были в порядке, и он призывно замахал ими.

Мы вошли. Возлежащие на кроватях джентльмены разной степени физической ущербности воззрились на нас заинтересованно-выжидательно. Эх, зря я послушалась Ирку, и мы поленились, не подготовили себе легенду! Ну что теперь говорить?

– Комитет солдатских матерей, – брякнула я, не успев придумать ничего получше.

Ирка толкнула меня локтем: в самом деле, нашим воображаемым сыновьям никак не могло быть больше двенадцати лет!

– И жен, – поспешно добавила я.

Ирка уже высмотрела нашего найденыша.

– Как мы себя чувствуем? – Могучая, как атомный ледокол, она легко проложила себе дорогу среди скопления кроватей и тумбочек, подплыла к нашему незнакомому другу и засыпала его апельсинами. Я тащилась в кильватере, спотыкаясь о коварно разбросанные костыли – не иначе, как с целью увеличить количество пациентов травматологии.

– Ен неговорящий, – авторитетно объяснила бабулька, заботливо кормящая с ложечки старичка на соседней койке. Старичок морщился, но безропотно глотал. – Молчить, молчить, токо глаза тарашить!

– Не, Павловна, он говорит! – мягко возразил божий одуванчик, шумно схлебнув с ложки varevo. – Давеча вот бормотал чего-то...

– Шизик, – весело заявил жизнерадостный дядечка с ногой, приветствовавший наше появление.

– Как – шизик? – Ирка явно растерялась.

Я заглянула ей через плечо: наш приятель и впрямь ненормально таращил глаза, поминутно меняя направление взгляда. Теперь он уставился на меня. Взгляд у парня был если не безумный, то какой-то диковатый: встревоженный и одновременно умоляющий. В остальном он выглядел вполне приятно: хорошее открытое лицо, красивые серые глаза, из-под белой повязки выбивались темно-русые прядки волос, под тонюсеньким больничным одеялом, натянутым до шеи, угадывалось крепкое тело. «Атлетический тип, – подумала я, – не в моем вкусе, но Ирке должен понравиться. Если, конечно, он и в самом деле не шизик...»

– Шизик-физик, – пробормотал себе под нос молодой парень на койке у окна, вдохновенно шелкая переключателем маленького телевизора.

– Ну что, Саня, будет кино или нет? – обратился к нему весельчак с ногой.

– Не гони, – сквозь зубы проворчал озабоченный телемастер.

– А что доктор сказал? – спросила Ирка.

– Мне ничего, – хихикнул живчик в гипсе.

– А ничаво ен не сказал, милая, – подтвердила бабуля. – Так, буркнул шось себе под нос...

– Шось именно? – требовательно продолжала Ирка.

Бабулька развела руками, в последний момент убрав ложку из-под носа старичка, – тот так и остался ждать с раскрытым ртом.

– Ретроградная амнезия, – высокомерно сообщил интеллигентного вида мужчина из угла палаты, снимая очки и откладывая в сторону газету.

– О! – Мы с Иркой переглянулись.

Вот, значит, почему он лежит тут один, без жены и семерых любящих крошек! И, похоже, все такой же голый... Я посмотрела на Ирку – глаза у нее опасно сверкали.

– Шо? – Бабуля озадаченно смотрела на очкарика.

– Это значит, что он потерял память, – перевела я.

– Или слух! – вставил веселый хромым.

– Ага! – победно воскликнул парень с телевизором.

Аппарат пугающе затрещал, взревел диким мявом, и владелец техники поспешно приглушил звук. На экране крупным планом появилось дивное декольте, в него проворно скользнула ручка с наманикюренными коготками. На свет явился угрожающего вида пистолет.

– Твою мать! – непечатно восхитился весельчак.

– Фак ю! – сказал примерно то же самое с экрана голос по-английски, что гундосый синхронный переводчик за кадром стыдливо перевел как: «Черт возьми!»

Мужики заржали. А наш пострадалец вытянул шею, вперил взгляд в экран, открыл рот и тоже воскликнул:

– Фак ю! – Прононс у него был великолепный.

– Фу, срамники, – поморщилась бабуся.

– Ну вот! – радостно захохотал хромоногий. – А то – «немой», «глухой», «шизик»! Что надо, он понимает!

– Погоди-ка. – Озаренная сумасшедшей догадкой, я толкнула Ирку в толстый бок. – А ну, отодвинься!

Она послушно посторонилась, пропуская меня к больному. Я наклонилась, пристально посмотрела ему в глаза и спросила:

– Кто вы?

Взгляд пациента подернулся дымкой. Я ожидала этого и спросила по-английски:

– Ху ар ю?

– Та хоть ты, дите, не матюкайся! – не выдержала бабуля.

Я не обратила на нее внимания: мой больной весь просиял, схватил меня за руку и торопливо заговорил.

– Что он говорит? – Ирка нетерпеливо дергала меня за другую руку.

– Не пойму, очень уж быстро. – Я нахмурилась. Покачала головой и жестом остановила говорящего: – Вот из е нэйм? – Что значило: «Как вас зовут?»

Кажется, все присутствующие дружно уставились на загадочного типа. Он открыл рот, хотел было ответить, но что-то его остановило.

– Нэйм! – повторила я.

– Монте Уокер, – не вполне уверенно произнес больной.

– Монте Уокер?

– Монте Уокер, – подтвердил он и вдруг затарахтел, все ускоряя темп: – Монте Уокер, Кемаль ибн Юсуф, Филиппе де Ларедо, Гжегош Томба, Анна Рейзнер, Анри де Сов, Лолита Лопес, Николас Пирис...

– Хватит, хватит. – Я оборвала его. – Буду называть вас просто Монте, хорошо? Монте, велл?

– Велл! – кивнул Монте и поморщился.

– Тише, тише! – Ирка невежливо отпихнула меня и заботливо поправила повязку на его голове. – Не делай резких движений, Монтик!

Я спохватилась:

– Монте – это Ира.

Ирка зарделась и в смущении плюхнулась в изножье кровати Монте.

– Спроси его, как он себя чувствует!

– Хау ар ю? – послушно перевела я.

– О'кей. – Монте мученически улыбнулся, поджимая ноги.

– Он сказал: «Если эта толстая тетка встанет с моих ног, я буду чувствовать себя вполне прилично», – перевела я специально для Ирки.

– Не придумывай, – обиженно сказала она. – Я знаю, что такое «о'кей»! – Но с кровати больного все-таки встала.

– Иностранец, что ли? – заинтересованно спросил жизнерадостный хромой.

Я пожала плечами.

– Шпиен! – азартно воскликнула бабуля.

Мужики снова весело заржали.

– А и правда, – вступился за свою половину тихий старичок. – Надо бы сообщить!

– Куда? – встрепенулась Ирка.

– А куда следует!

– Тише, тише. – Я поспешила вмешаться. – Вот я где-то читала такую историю: девочка шла по улице, и вдруг ей на голову упал цветочный горшок! Она потеряла сознание, а когда пришла в себя, заговорила по-английски! До сих пор она английского языка не знала, потому как вообще-то была француженкой...

– Я тоже знаю эту историю, – сказал интеллигент. – Вы правы, под воздействием... гм... цветочного горшка ребенок заговорил по-английски, но ведь он и родной французский не забыл!

– Это так, – согласилась я. – Правда, есть, наверное, разница: дать человеку по мозгам цветочным горшком или кирпичом!

– Не выдумывай, – неуверенно возразила Ирка. – Кирпич упал ему вовсе не на голову!

– Я сказала – «по мозгам», а не «по голове», – отбрила я. – В спине, чтоб ты знала, тоже есть мозг!

– Чтоб ты знала, там, куда упал тот кирпич, никакого мозга нет – ни головного, ни спинного! – разозлилась Ирка. – Ни извилистого, ни прямого! Там только прямая кишка!

– Фу, как грубо. – Больше мне нечего было сказать.

– К нему приходил кто-нибудь? – Ирка оглядела присутствующих.

– Еще придуть, – зловеще пообещала бабуля.

Ирка сняла с плеча фотоаппарат «Полароид», деловито сделала снимок Монте в россыпях оранжевых плодов и скомандовала мне, поворачиваясь кругом:

– Пошли.

– Куда?

– Найдем доктора. Узнаем, как Монтик. Заберем его домой. – Она грозно посмотрела на старушку и послала воздушный поцелуй мистеру Уокеру.

– Гуд бай, Монте! – разведя руками, попрощалась я.

– Не задерживайся! – Ревнивая Ирка выдернула меня из палаты. – Мне еще нужно успеть на книжный рынок за англо-русским разговорником!

Я поняла, что она настроена решительно, и покорилась.

Поерзав в постели, старичок потянулся к костылям, заговорщицки подмигнул бабке и громогласно объявил:

– До ветру сходить, что ли...

Понятливая старушка кивнула, подставила увечному супругу плечо и вывела его в коридор, прихватив с собой газетный лист с кроссвордом. На полях русскими буквами были старательно записаны иностранные слова, произнесенные в тревожном сне Монте Уокером. Дедушка позвонил по телефону и с приятным чувством честно исполненного долга вернулся в постель.

Во время тихого часа в палате произошли изменения: Саню, владельца переносного телевизора, к общему огорчению, перевели в другую палату. Его место занял бойкий молодой человек с загипсованной ногой, быстро перезнакомившийся со всеми и проявивший особое внимание к англоязычному соседу.

В полусне тот шептал свое имя, шевеля губами, точно пробуя его на вкус: Монте Уокер. Очень мужественное имя – лучшего у него не было за всю жизнь. Впрочем, иных имен он не помнил – так, мерещилось что-то смутное... А если бы помнил, признал бы самым женственным из всех своих имен Камиллу Клэр. Носила его вульгарная бабища, командовавшая полдюжиной продажных девок в передвижном борделе, тащившемся за какой-то армией – как бы не наполеоновской... Впрочем, этого он тоже не помнил.

Если вдуматься, он должен находиться в родстве и свойстве с большей частью современного человечества... С одной стороны, совсем неплохо быть членом большой и хорошо организованной семьи – мафиозная практика Монте Уокера это подтверждала. С другой стороны, с некоторыми людьми не хотелось бы иметь ничего общего.

Монте задумался, составляя для себя список персон нон грата. Возглавлял его, вне всякого сомнения, Марио Ла Гадо. Монте усмехнулся: вот и стал гад ползучий «номером первым»! Потом нахмурился: а не стал ли он таковым на самом деле? Папа Тони перед смертью назвал своим преемником Монте, но Марио не желал уважать волю покойника. Можно не сомневаться в том, что он попытается устранить конкурента.

Монте открыл глаза и огляделся: что это и где это? Похоже на лазарет в каком-нибудь глухом закоулке Азии. Правда, пациенты в основном европейского типа. И что же это значит? Мы воюем в Корее? А кто это – мы?

Вскинув руку, он нащупал на голове бинты. Огляделся: у прочих находящихся в помещении тоже перевязки, лубки, костыли... Монте все понял и похолодел: их пытали!

– Ла Гадо, сволочь! – с ненавистью прошептал он.

Почему подручные конкурента его попросту не убили, Монте Уокер не знал. Одно ему было ясно: нужно выждать удобный момент и попытаться сбежать. Когда подвернется подходящий случай, Монте его не упустит!

День медленно, но верно перетекал в ночь в полном соответствии с больничным расписанием. Незаметно прошли ужин и ежевечерняя раздача таблеток и кефира. Обитатели палаты, осиротевшие после ухода Сани с его телевизором, лишились ежевечернего кино и вынужденно объявили досрочный отбой. Монте Уокер уснул.

– Филимонов, на укол! – вполголоса позвала медсестричка Света.

Освещение в коридоре притушили, гипсоносные граждане разбрелись по палатам. Покачивая бедрами, Света провела неловко подпрыгивающего на неосвоенных костылях нового пациента в кабинет сестры-хозяйки и ушла.

– Любопытно, – выслушав подчиненного, заметил капитан Сидоров.

– Ну! – подтвердил молодой и полный рвения лейтенант Филимонов, от полноты чувств слегка подпрыгивая на костылях.

Костыли лейтенанту нужны были не больше, чем собаке пятая нога: бутафория чистой воды или, правильнее сказать, элемент маскировки. Ведь не может же совершенно здоровый двадцатипятилетний мужик лежать в травматологии, не будучи частично в гипсе и при костылях!

– Остынь, – велел капитан, заметив акробатические упражнения подчиненного с ортопедическим снарядам.

Сидоров почесал затылок, махнул рукой, приглашая лейтенанта садиться, пристроил листок с оперативной информацией на столе и вкусно отхлебнул из стакана. Филимонов завистливо покосился на начальника: сидит себе в ординаторской, хорошенькие медсестрички ему чаек готовят, пока лейтенант валяется на продавленной койке в шестиместной палате в компании полудесятка калечных мужиков и одной древней старухи.

– Товарищ капитан, – спросил он, – долго мне еще в этом морге лежать?

Капитан, шевеля губами, дочитал текст и гулко хлопнул ладонью по столу.

– Все, Филимонов! Снимай свой гипс! Бери ноги в руки и чеши в Контору!

– Слава богу! – не по уставу отозвался мнимый больной, поспешно стягивая с ноги гипсовый валенок.

– Значит, так, – продолжал капитан. – Первым делом пусть проверят этот списочек по картотеке.

– Монте Уокер, он же Фелиппе де Ларедо, он же Кемаль ибн Юсуф, он же Гжегош Томба, он же Анна Рейзнер, он же Анри де Сов, он же Лолита Лопес, он же Николас Пирис, он же Мари Канталь, – озабоченно забормотал Филимонов, поднеся к глазам список. – Товарищ капитан! Тут и женские имена!

– Урки, – пожав плечами, философски заметил капитан. – От них всего можно ожидать!

– Ага, – кивнул лейтенант.

– Исполняйте. – Сидоров небрежным жестом велел ему выметаться.

– Ага, – задумчиво повторил Филимонов. Он повернулся, пошел к двери, оглянулся на начальника: – А зачем руки в ноги? У них тут в регистратуре есть факс! Можно этот списочек к нам в Контору по-быстрому послать!

– Послать – это ты хорошо придумал. Действуй!

Филимонов наконец вывалился в коридор. Капитан хлебнул остывшего чая и с легкой тоской покосился на ширмочку в углу: куда, интересно, пропала веселая медсестричка Света? Он немного посидел, предаваясь приятным воспоминаниям и машинально перетирая зубами нерастворившийся сахарный песок, извлеченный при помощи ложечки со дна чайного стакана. Хлопнула дверь, капитан очнулся, радостно сверкнул глазами и тут же нахмурился: на пороге стоял лейтенант Филимонов.

– В чем дело? – недовольно спросил капитан. – Я что, непонятно скомандовал? Выполняйте!

– Уже, – радостно заявил тот, подлетая к столу. – Товарищ капитан! В самую точку! Есть такая Анна Рейзнер – мошенница со стажем, как раз в розыске. И Lolita есть, правда, без фамилии.

– Тоже мошенница? – поинтересовался капитан.

– Нет, проститутка.

– Гм? – Капитан выпятил челюсть. – Ну, урки! Умеют маскироваться!

– Lolita, наверное, все-таки другая, – помявшись, сказал лейтенант. – Проститутка – значит, баба, а наш – мужик. Я точно знаю, вместе в сортир ходили. . .

– Зелен ты еще, Филимонов, – укоризненно покачав головой, заметил капитан. – Жизни не знаешь. Ну и что, что не баба? Не баба, а проститутка! Только извращенная.

Глаза Сидорова мечтательно заблестели. Куда же пропала медсестричка Светочка?

– Товарищ капитан, – начал Филимонов.

– Лейтенант, – не слушая, перебил его Сидоров. – Смотайся-ка ты все-таки в Контору. Пусть они эти имена-фамилии в списках Интерпола посмотрят.

– Зачем в Контору? Тут в регистратуре есть компьютер.

– Компьютер, – с тоской сказал Сидоров, провожая глазами убегающего подчиненного. Новые методы работы ему не очень нравились. До чего техника дошла – никак этого летеху не спровадишь куда подальше! В регистратуре факс, в регистратуре компьютер. – Интересно, – пробормотал капитан, озвучивая родившееся у него подозрение. – А не в регистратуре ли Светочка?

В тоскливом одиночестве Сидоров выпил еще два стаканчика крепкого сладкого чая.

– Товарищ капитан! – Лейтенант вломился в ординаторскую и подбежал к столу, сбив табуретку. – Точно!

– Что точно? – устало нахмурился Сидоров.

– Интерпол... картотека... М-м... – Запыхавшийся Филимонов выдавал слова через два на третье.

– Ну? Есть Монте Уокер? Во дела! – шестым чувством угадал недосказанное капитан.

Он ударил себя по коленке и на мгновение зажмурился, предвкушая какое-нибудь поощрение, а то и повышение. Шутка ли, иностранного рецидивиста выпепили, да как – случайно, дедуся какой-то по старой памяти настучал!

– За жабры гада, – хлопнув ладонью по столу, решительно приказал капитан Филимонову. – Вызывай наших. Мерзавца скрутить и перебазировать сам знаешь куда. Я ему покажу, как в российской больнице койко-место пролеживать, дармовую овсянку жрать!

Однако по причине позднего часа дальнейшие действия застопорились до утра.

От Екатеринодара до Кипра – путь неблизкий, и на остров в Средиземном море новый день по понятным причинам пришел несколько позже, чем в кубанскую степь. Впрочем, линия судьбы американского туриста Дона Салливана, одиннадцать месяцев в году работающего на правительство Соединенных Штатов в Национальном агентстве расследований, обещала в самом скором времени соединить эти отдаленные географические точки.

Сначала противным голосом запел телефон.

Восьмой час утра – не лучшее время для пробуждения человека, отчаянно кутившего всю ночь напролет. Дон нырнул головой под подушку и без усилий прикинулся спящим. Уютно сопящая рядом с ним девушка, похоже, тоже притворялась: когда телефон умолк, Дон явственно услышал ее облегченный вздох.

Спустя некоторое, судя по ощущениям Дона, весьма непродолжительное время, проведенное в блаженном полусне, звонок повторился. На сей раз он шел от входной двери: кто-то настойчиво требовал впустить его.

Дон не шевельнулся. Скорее всего, кто-то ошибся дверью: коттеджи были похожи, как близнецы. Владелец не догадался или не потрудился позаботиться о том, чтобы они отличались один от другого, а арендующим домики отдыхающим было не до того, успеть бы за время отпуска сполна насладиться солнцем, морем и другими отдыхающими подходящего пола. Впрочем, Дон самолично устранил недосмотр, в первый же день отпуска установив на плоской крыше коттеджа, рядом с баком для воды, разноцветный флюгер-вертушку: это создавало иллюзию теплого семейного дома.

Дома и семьи у Дона не было с тех пор, как умерла его мама, а это случилось давно. Кэти Салливан не отличалась крепким здоровьем, хотя была на редкость дородной женщиной. Правду говорят, что внешность обманчива: кто бы мог подумать, что толстуха и распустеха Кэти, теряющая волю при виде большого яблочного пирога, держит в неприкосновенности весьма кругленькую сумму! Эти деньги потом помогли Дону получить прекрасное образование.

Отца своего он никогда не видел, о чем очень жалел: мама иногда говорила, что Дон удивительно похож на папу. Впрочем, проверить это было невозможно, ни одной фотографии отца ее ребенка в доме Кэти не было, да и рассказывать малышу о папе она не любила. Умер – и все. Даже фамилию Дон носил мамину.

Одиночные звонки слились в серию с регулярным чередованием коротких и длинных сигналов.

– Похоже, морзянка? – Удивившись, сонный Дон выставил из-под одеяла помятое красное ухо и прислушался.

К звонкам прибавился энергичный стук в дверь. Судя по звуку, стучали ногой.

– Черт возьми! Это Тил! – беспомощно выругался Дон.

Он поспешно расклеил ресницы и торопливо зашарил в ящике тумбочки в поисках пистолета. Под руку упорно подворачивался только скользкий флакон солнцезащитного крема.

– Кто там, милый? – Сонно моргая, девица села в постели.

– Тил, кто же еще! – Дон скатился с кровати, подхватил с низкого столика тяжелую мраморную пепельницу и побрел открывать, прикидывая на ходу, не успеет ли Тил выбить дверь.

Тил успела.

– Здорово, напарник! – радостно крикнула она Дону, одновременно сбивая его с ног, как кеглю, метко брошенным пухлым саквояжем. – Бросай оружие! – Тил дружески улыбнулась и продемонстрировала Дону свой пистолет. – Парень, ты снова понадобился!

– Кто это, милый? – с претензией спросила девушка, возникшая в дверях спальни дивным видением: длинные кудри падали на загорелые плечи, небрежно обернутые простыней, белая ткань прикрывала соблазнительное тело до середины бедер.

Дон с сожалением оглянулся на красотку, но соблазну не поддался, уже понимая, что отдых закончился.

– Где тут у тебя кухня? – как ни в чем не бывало спросила Тил, подобрав оставленный за дверью бумажный пакет. – Пока вы будете прощаться, я сварю кофе. Булочки еще теплые, так что поторопись, милый!

Дон зарычал, но послушно выпроводил подружку, проведя сцену прощания с неприличной поспешностью. Девушка удалилась в слезах. Дон вернулся в коттедж, вдохнул запах свежесваренного кофе и против воли немного подобрел. Тил, змея такая, умела найти подход к напарнику!

Она разлила кофе и подвинула к Дону его чашку, расплескав часть ароматной жидкости. Да уж, хозяйка из нее плохая, из всей кухонной утвари Тил освоила разве что ножи! Ухмыльнувшись, Дон четырежды нырнул ложечкой в сахарницу. Слушая напарницу, молча размешал сахар в чашке, отхлебнул сладкий кофе.

– Не верю, – сказал он. Покрутил головой и задумчиво пошевелил пальцами над блюдом со свежими плюшками. Тил внимательно посмотрела на него и подала булочку. – Чепуха какая-то, – продолжал Дон, набивая рот свежей сдобой. – О чем ты говоришь? Дерево падает на автомобиль и убивает водителя – несчастный случай! Богатая старушка застревает в лифте и с перепугу помирает от сердечного приступа – бывает! Подвыпивший делец курит в постели на сон грядущий, простыни тлеют, и он засыпает вечным сном – такое случается сплошь и рядом! И, разумеется, у каждой жертвы имеется наследник.

– У всех есть наследники, – согласилась она.

– Слушай, Тил, а кто твой наследник? – проглотив плюшку, спросил Дон с нехорошим интересом.

– Отстань. Есть одна интересная деталь, все эти «несчастные случаи» произошли с американскими туристами после посещения ими российского города Екатеринодара, где жертвы побывали – заметь! – в сопровождении любящих наследников.

– Ну и что? – не сдавался Дон.

Тил безмятежно доела сдобную булочку, допила кофе, промокнула рот салфеткой и полезла в нагрудный карман.

– А то, что в небогатом достопримечательностями Екатеринодаре все туристы, включая наследников, посетили этого господина! – Тил аккуратно положила на стол помятую визитку.

– Интересно, – признал Дон.

– Понимаешь теперь, почему агентство срочно послало меня за тобой?

Дон устало вздохнул:

– Тил, я пересек океан, чтобы хоть ненадолго избавиться от тебя и от работы! Я, конечно, польщен доверием и все такое, но бюро могло бы послать туда кого-нибудь другого!

– И послало. Люка Хокинса.

– И что же? Может, агента Хокинса убило кирпичом в подозрительной близости от дома вышеупомянутого господина? – язвительно предположил Дон.

– Нет, – без тени улыбки сказала Тил. – Он поскользнулся на банановой кожуре.

– Люк-везунчик?! – ахнул он.

– Был, – сухо ответила она.

Она помолчала и устало добавила:

– Решай. Лайнер «Вера» будет на Кипре завтра, на нем для нас оставлены места.

– Надо же, Люк Хокинс! – задумчиво повторил Дон.

Тил поняла, что пора переходить к следующей фазе. Она сдвинула в сторону кофейные чашки и положила на стол пакет:

– Документы и деньги на расходы.

Дон уважительно взвесил на руке толстую пачку крупных купюр и раскрыл паспорт.

– «Мисс Дебра Грей», – прочитал он. Полюбовался красоткой на снимке, бегло пробежал глазами вложенную в паспорт бумагу: – «С собакой породы бирсдог, трех лет». Что это еще за бирсдог? – потом спохватился – Стоп, а где же мой паспорт?

– Ты невнимателен, Дон. – Голос Тил был сама мягкость. – Там же сказано: с собакой!

Дон тупо посмотрел на нее, помолчал, соображая, и постепенно до него дошло:

– Ты хочешь сказать, что я?.. – Он медленно поднялся, обуреваемый желанием задушить улыбающуюся Тил.

– Осторожно: злая собака! – с нескрываемым удовольствием проговорила она.

Я проснулась рано: вспомнила, что за событиями вчерашнего дня забыла совершить набег на продовольственный рынок и купить еды для своих четвероногих. Тома еще можно натолкать кашей, а вот Тоху не проведешь, ему подавай мясо, рыбу и молоко. Ужас! Демонстрации протеста не избежать!

На цыпочках, боясь разбудить спящего в ногах кота, я крадучись вышла из спальни, оделась и побежала к Ирке. Это из-за нее я забыла о корме для своего зверья, а раз так, пусть распахнет для нас свой холодильник!

– Входи, не заперто! – громко прокричала подруга откуда-то из глубины дома.

Я протиснулась в приоткрытую дверь, отпихивая ногой рвущегося следом пса. Шел дождь, и Томка был слишком грязен для светских визитов.

– Ау! Ирка! Ты где? – Я расправила мокрый зонтик, пристроила его сушиться в углу просторного пустого холла, выжидательно оглядела три дверных проема.

– В кухне, – громко сказала Ирка. – Иди сюда, не могу оторваться.

– Очень интригует, – заметила я, с порога упершись взглядом в Иркин оттопыренный зад. Его счастливая обладательница низко склонилась над газовой плитой.

– Еще одну минутку, – извинилась она. – Сейчас начнет пузыриться, и все...

Я обошла ее с фланга, заглянула в кастрюльку. Там было что-то зеленое, интенсивно пахнущее яблоком, но с виду совершенно несъедобное.

– Это что?!

– Что ты орешь? Это мыло.

– Сдурела? Какое мыло? – Я переводила взгляд с пузырящейся дряни на Ирку и обратно.

– Туалетное, яблочное. – Подруга спокойно перенесла кастрюльку с зеленой слизью на стол.

– Зачем?

– Ты не знаешь, зачем нужно мыло?

– Я не знаю, зачем нужно его варить! Предупреждаю: я это есть не буду!

– Ах, ты об этом. – Ирка вытащила из ящика кусок старой простыни, меланхолично оторвала от него длинную полосу. – Не бойся, это не для тебя.

Как же, не бойся! Мне все это ужасно не понравилось: ишь, и мыло приготовила, и веревку! Я Ирку знаю, она только с виду такая самоуверенная и толстокожая, на самом же деле моя подруга – дама весьма чувствительная, хотя и закаленная жизнью.

Представьте себе прототип кустодиевской «русской Венеры», такую золотоволосую пышную барышню, только постаревшую лет на десять-пятнадцать, научившуюся находить общий язык с торгашами, таможенниками, грузчиками, ментами и бандитами, зарабатывать деньги, заколачивать гвозди, менять пробитые автомобильные колеса, а в промежутках между этими занятиями самозабвенно рыдающую над горькими судьбами золушек из мексиканских сериалов. Это и будет моя Ирка.

Я встревожилась и рассердилась.

– Признавайся, какого черта ты сделала мыльное пюре? И зачем рвешь простынку?!

Ирка подняла на меня удивленные глаза.

– Окна буду заклеивать. Хороший способ – заклеивать окна мыльными тряпочками. Отстань, а? – Тон ее речей делался все печальнее. – Холодно мне. Одна я в доме. Одна-одинешенька. Бедная, одинокая женщина... Думаю, что все мужчины – скоты.

– Не такая уж бедная, – справедливости ради возразила я. – Дом, машина, оборотный капитал... Но я понимаю, к чему пассаж про мужчин-скотин.

– Видишь, они даже рифмуются, – заметила Ирка.

– Ира! – Я строго постучала пальцем по столу, и в мисочке заволновалась мыльная каша. – Если тебе последние десять лет фатально не везет с мужиками, если один твой муж был алкоголиком и тунеядцем, а другой бесхребетным слюнтяем, если первый встречный мужчина делает тебе гнусное предложение, хотя каждый второй оказывается импотентом, если в гостях ты вынуждена сама наполнять свою рюмку, а в трамвае тебе не уступают место, в театре не пропускают вперед, на улице прячутся от ветра за твоей спиной и руку протягивают только за подайнием – это не значит, что мужчины – скоты!

– Разве? – Ирка яростно топила тряпичную змею в жидком мыле.

– Во всяком случае, не все они такие. – Я сбавила тон. – Встречаются и другие: добрые, нежные, щедрые, порядочные... В смысле, кому-то, наверное, встречаются. Весьма вероятно, что и ты такого себе найдешь! Рано или поздно. Шансы есть, особенно если ты из породы долгожителей...

– Уже нашла, – сказала Ирка. – Монтик. Я знаю, он именно такой: сильный, добрый, нежный, верный...

– «Он чуть вошел – она узнала...» – недоверчиво процитировала я. – Не хочется мне тебя огорчать, но твой Монтик – кот в мешке.

– Скот в мешке, – поправила Ирка. Свернула тряпицу кольцом, выдула радужный пузырь и неожиданно повеселела. – А, к черту эту мыльную бодягу! Не буду клеивать окна! Меня согреет любовь!

Что мне нравится в Ирке, так это ее оптимизм и неиссякаемая энергия. Это нас сближает.

– Не выбрасывай кашу, – предупредила я. – Этим можно мыться, а тряпочку использовать как мочалку. Не хочешь сама – отдай мне, постираю Томку, будет благоухать яблоком.

– Забирай, – согласилась она и задумалась: – Слушай, а давай прямо сейчас заберем Монтика из больницы?

– Нам же его не отдадут, – напомнила я. – Мы не можем сказать, кто он, у нас нет его документов. А без паспорта его не выпишут, больничный не дадут...

– И не надо! Зачем мне его больничный, я не отдел кадров! Мы выведем его погулять, посадим в машину и увезем. Им там все равно, подумаешь, нарушение больничного режима! Одним пациентом больше, одним меньше... А мне мужик достанется – молодой и красивый.

– А ухаживать за ним будешь? Кормить, поить, выгуливать? Убирать за ним? Думаешь, это так просто – мужика завести?

– Я умею, – сердито сказала Ирка. – У меня два мужа было. И еще хомячок. Мужья, правда, сбежали... Но хомяк жил долго и счастливо и сдох только от старости!

Спорить с Иркой – себе дороже будет. Сошлись на том, что быстренько умыкнем из больницы Монтика, а потом она меня подбросит на рынок за продуктами.

Капитан Сидоров мирно похрапывал на узкой кушетке в душной каморке сестры-хозяйки. Ему было уютно и тепло под грудой больничных одеял, взятых без счета со стеллажа. Разбуженный стуком в дверь, Сидоров вытряхнулся из одеял, прошлепал к двери и весьма неприязненно спросил:

– Кто?

– Свои, – так же недружелюбно ответил незнакомый капитану мужской голос. Привычно уловив в нем начальственные нотки, Сидоров открыл дверь.

Из коридора в комнату шагнул коренастый черноусый мужчина с пронзительным взглядом. Загорелое лицо показалось капитану знакомым. В кино он его видел, что ли? Или просто похож на какого-то итальянского актера?

Гость красной книжицей сделал перед лицом Сидорова полуверонику и плотно закрыл за собой дверь.

– Полковник Лапокосов. С запросом в Интерпол вы обращались?

– Так точно, – вытянулся Сидоров. – И в Интерпол. И в Интернет...

– Читайте! – резко перебил его полковник и протянул скрученный в трубочку лист жесткой белой бумаги.

Сидоров развернул рулон, отыскал верхнюю кромку. Снизу тонкая белая бумага снова скрутилась, читать было неудобно. Капитан взялся руками за концы бумажной ленты, растянул ее по вертикали – теперь верхний край оказался слишком высоко. Сидоров вытянул шею, от мысли подпрыгнуть отказался: все равно текста не видеть.

– Виноват, – негромко проговорил он, коротко взглянув на полковника. Расставил руки параллельно полу, как рыбак, показывающий размеры пойманной им рыбы, и начал читать.

Полковник смотрел на подчиненного, старательно скрывая раздражение.

– Ох! – Капитан от неожиданности выпустил края бумажной ленты, и моментально скрутившийся рулон упал к его ногам. – Виноват... Тут написано, что Монте Уокер умер! Как умер?

– Мучительно, – язвительно ответил Лапокосов. – Четырнадцать пулевых отверстий – это, должно быть, болезненно...

Капитан молча хлопнул глазами, полковник пояснил:

– Уокера скосили автоматной очередью в Центральном парке – его самого, двух его охранников, одного спортсмена-бегуна, трех белок и старушку с собакой. Болонку, впрочем, только ранило – пуля срезала кусочек хвоста...

Капитан оглянулся на дверь, облизал пересохшие губы:

– Я не слышал стрельбы! Как это могло случиться? Когда?

– В одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, в городе Нью-Йорке, – с расстановкой сказал полковник Лапокосов, внимательно наблюдая за реакцией капитана.

Он с удовольствием отметил крайнее замешательство младшего по званию. Сидоров открыл рот и закрыл глаза. Вот невезуха! Не видать ему наград и повышений!

– Сейчас заберу эту сволочь к нам и допрошу как следует! – со злостью сказал он. – Живо расколется, кто он такой и почему по-русски не говорит!

– Отставить, – отрывисто бросил Лапокосов. – Действовать аккуратно. Подозрений не вызывать. Перевести в психушку. Позже я сам его навещу. Распорядитесь, пусть приготовят белый халат.

– Разрешите идти?

– Идите. – Лапокосов отвернулся от капитана, потом, вспомнив что-то, обернулся и добавил: – И учтите, погоны на халат нашивать не надо!

Суэта, устроенная Сидоровым вокруг так называемого Монте Уокера, грозила осложнить, а то и вовсе сорвать тайную миссию Лапокосова.

Эвакуация «Монте Уокера» была произведена без лишнего шума и очень быстро. Единственная заминка произошла на выезде с территории больницы, где «Скорая» с трудом протиснулась мимо хаотично припаркованных легковых автомобилей. Обширная стоянка поблизости была платной и потому пустовала.

Пробраться сквозь толпу четырехколесных друзей у горбольницы и впрямь было нелегко. Ирка со скрежетом затолкала машину в узкую брешь между чьим-то «мерсом» и живой изгородью, которая оказалась фальшивой: вьющаяся зелень скрывала под собой металлическую сетку, о которую мы слегка поцарапали Иркин «жигуль». Я огорчилась, но автовладелица, как ни в чем не бывало, выбралась из машины и зашагала к больнице, даже не включив сигнализацию.

– С ума сошла? Угонят же!

– А собака на что? – бросила Ирка на ходу, не оборачиваясь.

На что мне такая собака, я и сама думала не раз.

– Сидеть, Том! – как можно строже скомандовала я, на всякий случай привязывая поводок к металлическому изножию кресла. Потом еще пристегнула пса ремнем: если и украдут, то в комплекте, и машину и собаку! Пусть им будет хуже!

Ирку я догнала уже на входе в отделение. Мы прошагали по коридору к знакомой палате, постучали, вошли и обомлели: Монтикова кровать была пуста. На провисшей панцирной сетке сиротливо лежал свернутый матрас, на тумбочке пламенел одинокий апельсин – последний привет от Монте Уокера.

Ирка схватилась за горло, явно не в силах что-нибудь сказать, и посмотрела на меня. Глаза ее опасно заблестели. Я поняла, что еще чуть-чуть, и подруга обретет голос, и тогда больничные просторы огласятся ревом раненого зверя.

– На волю, в пампасы! – невпопад брякнула я, быстро выводя Ирку из палаты, подальше от больных: мало им переломанных ног, сейчас и барабанных перепонки лишатся! – Ирочка, только не волнуйся, сейчас мы все узнаем!

Добывать информацию – моя профессия. Люблю я это делать и умею! Медсестричке Свете даже журналистское удостоверение показывать не понадобилось.

Узнав о переводе Монтика в психиатричку, Ирка разбушевалась.

– Это мой-то Монтик ненормальный? – взвилась она. – Это вы все ненормальные! – В запале она ткнула пальцем в только что вошедшего в отделение благообразного гражданина. – И вы! И вы!

Это она зря сказала, незнакомый гражданин выглядел вполне вменяемым, но вот следом за ним шагал отчетливо слабоумного вида амбал типа «шестерка». Он как-то нехорошо посмотрел на Ирку, и мне это не понравилось. Только бандитских разборок нам не хватает! Я поспешила увести подругу от греха подальше.

Мы вернулись в машину, сели, и Ирка замерла, сурово глядя перед собой, но явно ничего не видя. Я помалкивала, понимая, что сейчас ее лучше не беспокоить.

Напрасно перед капотом «шестерки» приплясывал охранник в камуфляже. Судя по тому, что в левой руке у него были какие-то бланки, а правую он сложил ковшиком, товарищ желал получить с Ирки плату за стоянку. Как же, размечтался! Сердито насупленная Ирка его даже не заметила.

– Ладно, – наконец угрожающе процедила она сквозь зубы, выжимая сцепление.

Выронив бланки, охранник боком отпрыгнул в сторону. Отличная реакция у служивого!

– Сдурела? – рявкнула я, оглядываясь. Слава богу, человек не пострадал. – Ты чуть не задавила мужика!

– Да, кстати, о мужиках, – металлическим голосом сказала Ирка, вырuling на дорогу. – Предупреждаю: похищение Монтика не отменяется. Сейчас заедем в пару мест, а потом к психушке.

Монте довольно быстро понял, в каком заведении он оказался: достаточно было посмотреть на соседа по комнате, голубоглазого и розовощекого малого по имени Селёжа. Одетый к лицу, в розовую пижаму в голубой горох, он непрестанно приплясывал, невнятно бормоча какие-то вирши и потрясая дребезжащим детским бубном. Растоптанные тапки ритмично шлепали.

На самом Монте тоже были тапочки без задников и уютный фланелевый костюм живописной расцветки: нежно-зеленый, в крупную желтую клетку.

Вообще-то ему нравились смелые цветовые сочетания. Помнится, у его подруги в Нью-Йорке было красное белье с синим кружевом, и Монте комплект одобрял, особенно когда его малышка исполняла ритуальный вечерний танец с раздеванием. «Малышка», впрочем, весила почти центнер: Монте всегда нравились крупные дамы, такие, чтобы от шлепка по заду расходились волны по всему телу.

– Оставь покурить! Христос любит тебя! – вкрадчиво шепнул на ухо Монте незаметно подкрavшийся Селёжа.

Монте вздрогнул, не расслышав и не поняв.

– Ват?

– Виноват, конечно, виноват, – согласно кивнул сосед, бесцеремонно забирая у Монте окурок и жадно затягиваясь. – Покаяться нужно! – Он назидательно воздел вверх грязный указательный палец.

Монте еще раз вздрогнул, на сей раз от отвращения, и грустно проводил взглядом исчезающий в кулаке Селёжи окурок: курица больше не было, сигаретой Монте угостил юный джентльмен по имени Фил Лимонофф, любезно препроводивший его в психушку. Монте и не знал, что в мафии встречаются русские!

– Аллилуйя! – докурив, ликующе возопил Селёжа, пускаясь в пляс на потертом прикроватном коврик.

В столбе солнечного света за клубилась пыль, картинка в глазах Монте смазалась. Он прищурился, пытаясь вообразить на месте притопывающего психа свою Катарину. Давай, крошка, давай....

К сожалению, пляшущий сухопарый Селёжа на подругу Монте походил мало. Уокер покачал головой и зажмурился, чтобы не видеть розово-голубого мельтешения перед глазами. Ритмично шаркая подошвами шлепанцев, Селёжа все радостнее и громче распевал псалмы собственного сочинения. Смысла текстов Монте не улавливал, но общий настрой и тяготеющие к ультразвуку взвизги ему решительно не нравились.

Он вышел из палаты и неторопливо пошел по коридору, внимательно осматриваясь по сторонам. Неожиданно из соседнего дверного проема высунулась костлявая рука, делающая жадное хватательное движение. Монте остановился, и рука тут же игриво дернула его за полу пижамной куртки.

– Хай? – неуверенно произнес Монте, взмахом руки приветствуя незнакомого старичка в желтой пижаме.

– Какой тебе «хайль»? – Дедушка мгновенно переменялся в лице и стиснул кулаки. – Ах ты, гад! Бей фашиста!

Монте попытался урезонить драчуна, но языковой барьер оказался непреодолим. В ходе бессмысленной дискуссии откуда-то с тылу с криком «За Родину!» набежали еще несколько мужиков, все в пижамах и тапочках. Монте дернулся, на линолеум горохом посыпались пуговицы, кому-то наступили на мозоль, кто-то потерял тапку, чья-то твердая пятка больно стукнула Монте по коленке. Он выругался по-английски, одним могучим движением пловца-олимпийца разгреб нападающих на две кучки, вырвался из окружения и быстро пошел прочь, часто оглядываясь.

Пижамная группа в конце коридора дружно скандировала: «Гитлер капут!», «Свободу Луису Корвалану», «Верните пенсионерам льготы!», «Горенко и Шпанидзе – марионетки Твезезовского!» и «Долой АО «МММ»!» В центре компании приплясывал голый по пояс человек с поднятой над головой шваброй, на которой красиво развевалась пижамная куртка из красной фланели.

Смысла происходящего Монте не понимал, но чувствовал, что тоже сходит с ума. Должно быть, из солидарности.

Ненормальные всех стран, соединяйтесь!

– Спроси! – Ирка толкнула меня локтем.

– Сама спрашивай! – сирым шепотом огрызнулась я, не зная, куда смотреть.

В магазине интимных товаров я была впервые, чувствовала себя крайне неловко, но спрятать глаза не могла: они упорно разбегались. На полках бесстыже красовались разнообразные предметы, призванные обогатить интимную жизнь граждан. О назначении некоторых штук я могла только догадываться, хотя иные были вполне узнаваемы. Витрина с дюжиной искусственных органов внутренних дел, старательно выстроенных по ранжиру и снабженных ценниками, очень походила на прилавок гастрономического отдела. Мне вспомнилась подслеповатая старушка из трамвая, с живым интересом спросившая компанию недорослей, шокировавших пассажиров такой же розовой резиновой штукой: «Сынки! Почем колбаску брали?»

Нетерпеливая Ирка снова толкнула меня:

– Да говори же!

Грамотно сформулировать вопрос оказалось затруднительно. Преодолев порыв назвать юношу-продавца «сынком», я откашлялась. Ирка опять двинула меня в бок.

– Э-э, любезный, скажите, у вас только запчасти? – скрывая смущение, спросила я, нервно поведя рукой в сторону пресловутой витрины. – Или есть и полностью укомплектованные экземпляры?

– Простите? – не понял продавец.

Я заметила, что он краснеет: должно быть, мое смущение оказалось заразительно.

– Резиновые бабы есть? – прямым текстом спросила грубая Ирка.

– Не обязательно бабы, – вмешалась я. – Он, она, оно... Лишь бы с руками, с ногами и с человеческим лицом. В принципе сгодится любой гуманоид.

– Примерно такого роста, как она. – Ирка кивнула на меня.

– Плюс-минус пара размеров, – добавила я.

Мы замолчали и в четыре глаза выжидательно уставились на продавца. Все ярче пламенея щеками, он с некоторым обалдением посмотрел на меня, на Ирку, достал из-под прилавка иллюстрированный каталог и открыл его:

– Вот, восемьсот девяносто девять долларов, латекс...

– Да хоть гудрон, – встряла нетерпеливая Ирка.

– Нет, гудрон нельзя, он темный, а нам нужна баба европейской наружности, – не согласилась я. – Мы, конечно, не расисты, но мавров венецианских попрошу не предлагать!

– Короче, на ваш вкус, – сказала Ирка.

Продавец поперхнулся словом.

– Да, а у вас тут только продажа или можно напрокат взять? – как ни в чем не бывало, продолжала Ирка. Видно, решила сэкономить. – Нам бы лучше напрокат, если можно, мы быстренько попользуемся и сразу вернем.

– Не потеряем, не испортим, сдадим в лучшем виде. Мы порядок знаем, в библиотеки записаны, – поддержала ее я.

Продавец перевел взгляд с Ирки на меня, глаза у него сделались оловянные, как пуговицы. Сомневается? Так я могу читательский билет предъявить.

– П-проката у нас н-нет!

– Ж-жаль, – передразнила парня жестокая Ирка.

– Ну, тогда нам какую-нибудь попроще, подешевле, можно вовсе одноразовую, – сказала я. Быстро пролистала каталог, не обращая особого внимания на цветные картинки, лишь изучая цены. – Вот эта, к примеру, сколько продержится?

– При правильной эксплуатации...

– Нет-нет, при неправильной? Полчаса выдержит?

– Гарантии не даем. – Глаза-пуговицы смотрели на меня с явным подозрением.

– Ладно, обойдемся без гарантии, – подытожила Ирка. – Нам с ней детей не крестить! Заверните вот эту белобрысую.

– Только, пожалуйста, надуйте ее сразу, – добавила я. – Мы очень торопимся!

Кое-как затолкав растопыривающуюся резиновую бабу в цветной кулек, мы вышли из магазина. Провожая нас взглядом, продавец застыл за витринным стеклом, как манекен. Был бы голый – чудненько вписался бы в интерьер.

– Чертова кукла, – выругалась Ирка, запихивая в глубь кулька упорно вылезавшую наружу бледную резиновую ногу. – Надо было попросить ее связать! – Она оглянулась на секс-шоп.

Парень за стеклом вздрогнул, ожил, захлопнул рот и быстро вывесил на дверь табличку «Закрито».

– Ну и где же он? – тихо спросил Беримор, остановившись в проеме двери.

– Где этот, по голове ударенный? – дополнил вопрос шефа Вася Бурундук.

Беримор сунул руки в карманы халата.

– Увели болезного, – злорадно сказал дедок, дожидаясь, пока бабка откроет стеклянную банку с супом.

– Куда увели? – спокойно спросил Беримор, сминая в кармане пачку сигарет.

– Кто увел? Какая, понимаешь, зараза? – в свою очередь встрял Бурундук.

Старичок скосил глаза на пустую койку и противно хихикнул:

– Сказали на процедуры!

– Знаем мы их процедуры, – враждебно пробормотал приличного вида мужчина с газетой. – С тридцать седьмого года знаем!

– Так. – Беримор повернулся и вышел из палаты.

– Отец! У тебя тараканы в супе, – доброжелательно предупредил Бурундук, следуя за шефом.

Уже в коридоре до них донеслось: «Синенькие это, синенькие! Баклажаны!» – «Сама синенькая, дура старая, какие баклажаны, если они с ножками!»

– С ножками, с ручками, – задумчиво пробормотал Беримор.

Он молча вышел из травматологии, спустился в регистратуру и узнал, как пройти в процедурное отделение.

– Слушай меня внимательно, Вася, – сказал он Бурундуку, тщательно подбирая слова. – Сейчас мы разделимся. Я останусь стоять здесь, на входе, он же выход. Ты пойдешь по кабинетам, будешь заглядывать в каждый, ни одного не пропуская. Ищи Сержа. Найдешь – запомни кабинет и позови меня. Не найдешь – возвращайся. Кабинетов в этом коридоре всего десять, из них один сортир. Там тоже посмотришь. Понял?

– Понял, – кивнул Бурундук. – Чего не понять? Девять кабинетов и один сортир. Надо найти, где засел Серж, гад такой. А бить его не надо? Хоть немножко?

– Пока нет. Иди.

Первый из кабинетов был закрыт. На двери косо висела бумажка с надписью: «Прием в каб. № 9». Бурундук не поленился сразу сходить в девятый кабинет, но там шел не прием, а ремонт. Две хорошенькие девушки – одна черненькая, другая рыженькая – белили потолок.

– Эй, братишка, перенеси стремянку! – смеясь, попросила Васю рыженькая.

Бурундук расцвел неполнозубой улыбкой, поиграл мускулами, легко переставил лесенку на указанное место, угостил девушек сигаретами и неохотно вернулся в коридор. С этим чертовым Сержем никакой личной жизни...

В кабинет с табличкой «Электролиз» Бурундук вошел опасно, не прикасаясь к латунной дверной ручке во избежание предполагаемого удара током. Просто нажал плечом, тихо, так, что не проснулись ни две укрытые простынками дамочки на кушетках, ни бабка в белом халате, дремлющая на стуле за столом над амбарной книгой с записями. Не дыша, Вася заглянул в лица всем трем спящим красавицам, Сержа ни в одной не опознал и удалился.

В третьем кабинете его ждал сюрприз: там тесно общались парень в докторской шапочке и девица в тапочках. Из одежды на ней был только стетоскоп и вышеупомянутые тапки. Вася сконфуженно извинился, но его извинений, как и его вторжения, никто не заметил. Извиняться пришлось еще несколько раз, в различных кабинетах и перед разными людьми, среди которых Сержа не было.

Не было его и в туалете. Еще там отсутствовал свет, поэтому воспользоваться местом общего пользования по прямому назначению было трудно. Закрыв за собой дверь, Вася оказался в полной темноте, осваиваясь, чиркнул спичкой и увидел над унитазом красиво выполненную надпись: «Меткость – залог чистоты».

О чистоте пришлось вспомнить и в последнем, десятом кабинете, где пациенты принимали грязевые ванны. Трое перепачканных, как трубочисты, мужиков отчаянно сопротивлялись желанию Васи рассмотреть их поближе и повернее, для чего Бурундук поочередно тянул обозреваемых под душ. В результате мужики отчасти отмылись, а Вася приблизительно в той же мере испачкался.

На тщательный осмотр всех помещений у него ушел примерно час.

Увидев наконец пятнистого, как конь в яблоках, Бурундука, Беримор коротко спросил:

– Где он?

– Искал. Не нашел. Нету! – лаконично отрапортовал Вася, пятнающий больничный линолеум грязными разводами.

Казалось, что в отличие от Бурундука Серж следов не оставил, но Беримор сдаваться не собирался.

Он круто повернулся, вновь поднялся в травматологию, постоял, осматриваясь, и нашел подходящего человека. Хорошенькая барышня-медсестричка благосклонно приняла хрустящую купюру и рассказала Беримору, где он может найти Сержа.

– Я всегда знал, что он шизик! – сказал Вася. – А че? Самое место ему в дурдоме!

«Шизик» Монте Уокер вышел в унылый садик, сел на свободную скамейку и погрузился в размышления. Думал он, разумеется, о побеге, причем мыслил конкретно и логично, что, впрочем, только подтверждало распространенное мнение о невероятной хитрости и изобретательности сумасшедших.

Что нужно для успешного побега? Конечно, дерзость и удача, но главное – это тщательная подготовка. Во-первых, нормальная одежда и деньги. Их можно раздобыть, потому что где-то в здании есть комнаты персонала, личные вещи медиков, их сумки и кошельки. Во-вторых, нужно найти сам способ покинуть богоугодное заведение, желательно без особого шума. Ну-ка, какая тут охрана?

Монте медленно озирался по сторонам, запоминая расположение объектов.

– Присматривай за ним, – кивнув в сторону выходящего в сквер окна, велел капитан Сидоров лейтенанту Филимонову. – Я сметаюсь на обед и обратно.

Капитан страдал какой-то загадочной желудочной болезнью: от сухомятки у него так громко урчало в животе, что ревностный Филимонов порой переспрашивал: «Виноват, не понял. Что вы сказали?» Поэтому Сидоров при каждой возможности обедал дома, и вкусная стряпня жены сказывалась на его здоровье благотворно.

Проводив завистливым взглядом капитана, лейтенант принялся – из больничной столовой тянуло скучным запахом тушеной капусты – и одернул синий халат с отштампованной слева на груди надписью чернилами: «Городская образцово-показательная психиатрическая больница». Из кармана халата торчала заранее припасенная лейтенантом помятая алюминиевая ложка: в образцово-показательном заведении наблюдался некоторый дефицит столовых приборов.

Ожидая обеда, Филимонов немного поскучал, то и дело поглядывая в окно на гуляющих пациентов. Люди в пижамах пастельных тонов бродили по дорожкам, сидели, болтая ногами, на лавочках и почти не разговаривали друг с другом. Общительный Филимонов подумал, что в этой атмосфере мог бы свихнуться от скуки. Чтобы не накаркать, он сплюнул три раза через плечо и постучал по дереву.

Время шло, сигнала к обеду все не было, объект наблюдения спокойно сидел на скамье, поэтому лейтенант с разрешения дежурной сестры включил в холле телевизор и погрузился в просмотр увлекательного исторического фильма о борьбе американских коллег-полицейских с обнаглевшими соплеменными бандитами. Древний «Рубин» с подсевшим кинескопом показывал не бог весть как, но лейтенант прямо-таки приклеился к экрану. На взгляд Филимонова,

главный мафиози, некто Ла Гадо, черноусый широкоплечий итальянец в шикарном костюме с огромными бриллиантовыми запонками, здорово смахивал на полковника Лапокосова. Лейтенант с особенным удовольствием предвкушал скорый и неминуемый конец мафиози.

В полном молчании Беримор и Бурундук покинули больницу, сели в машину и поехали по указанному адресу: Зеленая, один.

Исторически так сложилось, что Зеленая, главная улица Екатеринодара, начиналась с дурдома. Было ли это оплошностью градостроителей или недосмотром градоначальников, нельзя сказать в точности, но что-то символическое в казусе угадывалось.

На подъезде к психиатричке тишину нарушил сам Беримор. Он тихо, но злобно прошипел:

– Придурок!

– А то! – Вася обернулся к хозяину с переднего пассажирского сиденья и убежденно кивнул.

Беримор посмотрел на подчиненного с ненавистью: «придурок» относилось именно к нему.

– Это он от сковородки повредился, – продолжал между тем Бурундук. – Раньше-то вроде нормальный был, а после сковородки – того. Правильно говорят: все импортное вредно для русского организма. Небось тефлон ихний для мозгов сильно отрицательный, вот Серж и свихнулся...

– Заткнись, – велел Беримор, устало закрывая глаза и гадая, почему Серж оказался в психушке.

– Ты его видел? – еще раз уточнил он у Васи.

– Ну! – ответил тот. – Ясно дело, видел. Точно, он – Серж.

– Он тебя узнал? – Беримор лихорадочно соображал.

– Да нет же, куда ему! Говорю, форменный псих: глаза бегают, лопочет, как обезьяна! Или тефлон его поломал, или врачи мозги выпарили – одно из двух.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Беримор.

Машина бесшумно въехала в переулочек, из которого открывался замечательный вид на глухую стену, окружавшую психушку. У стены топталась толстая баба в красной клеенчатой куртке с леопардовым воротником. Баба устанавливала новенькую блестящую стремянку. На земле прочно стояла клетчатая сумка с толстым рулоном афиш. Пяток таких больших афиш, зазывающих горожан на третье южнороссийское байк-шоу, уже красовалось на стене.

– А ну-ка, давай попробуем объехать это заведение со всех сторон, – сказал Беримор водителю.

Машина тихо скользнула за угол.

– Все, никого нет, – громко прошипела я из-за другого угла.

– Тащи куклу, – сипло пробасила Ирка, балансируя на стремянке и одновременно стягивая с себя жуткое красное одеяние.

– Смотри не грохнись, – пробормотала я, приближаясь.

Под просторным плащом у меня на животе топорщилась сложной формы выпуклость. Резиновые куклы из секс-шопа, как выяснилось, норовят выскользнуть из рук – может, это и эротично, но крайне неудобно при транспортировке.

Ирка уже топталась на земле.

– Давай-давай. – Она нетерпеливо вырвала у меня сексапильную голышку и проворно обрядила ее в свою красную куртень. – Во, белокурая бестия!

– Где вы, извращенцы? – криво ухмыльнулась я.

– Ладно, сойдет, – придирчиво оглядев резиновое чучело, постановила Ирка. – С полчаса продержится.

Мы усадили гуттаперчевую девочку на нижнюю ступеньку стремянки, закрепили скотчем. Наверное, издали она и впрямь смахивала на даму, изумленную жизнью (отсюда – широко открытый рот) и, безусловно, сумасшедшую. Красотка удивительно хорошо гармонировала со свеженаклеенным плакатом байк-шоу: казалось, она только что крайне неудачно упала с изображенного на нем звероподобного мотоцикла.

– Ее по ту сторону стены сажать надо, – сказала я, содрогнувшись. – Впрочем, тебя тоже. – Хватит болтать! – рывкнула Ирка. – Где пес?

Том ожидал своего часа за углом, коротая время за предоставленным Иркой легким обедом: берцовая кость не то слона, не то бегемота. Не без труда оторвав Томку от трапезы, я приволокла его к Ирке, потыкала псу в морду пустым мешком из-под Монтика и толкнула животное вверх по стремянке. Том на удивление легко сиганул на стену и бесшумно канул вниз по другую ее сторону.

– Теперь ты, – сказала Ирка.

– Ненормальная, – в сердцах выругалась я. – Рыцарша стукнутая. Других мужиков на свете нет, кроме твоего психованного нудиста!

– Пошла! – Ирка, как гирю, выжала меня вверх одной правой.

Я перелетела через стену, едва коснувшись ее, и приземлилась аккуратно на Томку. Он оказался достаточно мягок и упруг. Я быстренько отбежала на пару шагов, ожидая Иркиного приземления, – не хотелось попасть под нее. Она прыгнула со стены – земля дрогнула.

– Ну, чего встали? Ищите Монтию. У нас полчаса максимум. Потом к этой дуре кто-нибудь начнет клеиться – вот будет облом!

– Том! Ищи! – скомандовала я.

Полной уверенности в том, что своенравная собака пойдет по следу, даже если возьмет его, у меня не было, но получилось! Пес рванул с места в галоп, дернув поводок, на другом конце которого болталась я.

Первую пару метров я проехала, как на водных лыжах, потом мои руки оказались вытянутыми далеко вперед, а ноги – далеко назад, и я покатила по сырой траве, как сани-волокуши. Следить за маршрутом я уже не могла: Томка стремительно лавировал между деревьями, а меня заносило, как второй прицепной вагон трамвая, в результате чего наше продвижение вперед – на мой взгляд, слишком быстрое – сопровождалось однообразным и болезненным звуком «бум!». Позади владимирским тяжеловозом топала Ирка, наступая мне на пятки в буквальном смысле. Потом скользкая трава сменилась крайне неудобным гравием, пару раз меня стукнуло о лавочки, Томка рыкнул и прыгнул вверх, меня подбросило в воздух и тут же прижало к земле невероятной тяжестью.

– Перегрузки, – пробормотала я, видя перед носом приплясывающие задние лапы овчарки.

Ирка, упавшая на мою спину, проползла по мне на полметра вперед, перехватила поводок выше моих сведенных судорогой рук и скатилась вбок. Одновременно, как в синхронном плавании, мы с ней встали на четвереньки и огляделись.

Посмотреть было на что. На расставленных по кругу парковых скамейках, поштучно и группами, сидели тихие люди с округленными глазами.

– Чего они вытаращились, как ненормальные? – не поворачивая головы, шепотом спросила Ирка.

– Ненормальные и есть, – так же шепотом ответила я. – Это же психи, идиотка!

– На себя посмотри! – огрызнулась Ирка.

Мысленно я представила нас со стороны – две дамы и собака, все на четвереньках – и мгновенно нашла нужную тактику.

– Гав! – вызывающе сказала я ближайшему психу.

Ирка изумленно поперхнулась. Томка плюхнулся на задницу, с интересом повернул ко мне голову и пошевелил ушами.

– Гав-гав! – с нажимом повторила я, приглашающе лягнув Ирку задней ногой.

Слава богу, дошло: она энергично кивнула и затыкала – тонко и пронзительно, как карликовый пинчер. Интерес, отчетливо обозначившийся было в глазах окружающих нас психов, потух.

– Дальше-то что? – прошептала Ирка в паузу между тьяканьем.

Я гордо, как призер собачьей выставки, прошествовала к ближайшей скамейке. Сидящий на ней одинокий Монте поспешно поджал ноги.

– Гав! – громко сказала я, по всем правилам собачьего этикета протягивая ему лапу. И тихо добавила: – Ю ар дог, андестенд?¹ Дог!

– Ват? – спросил он.

– Киловатт! – шепотом рявкнула я. – Ай вонт ту сейв ю,² андестенд? Ю ар дог, крейзи, квикли! Дог!

На физиономии Монте отразилось понимание. Андестенд ведь, понимает, когда хочет, гад! В смысле, гав...

– Гау? – с отчетливым англо-американским прононсом негромко взлаял он.

– Гав, – поправила я: сказались пять лет педагогического стажа.

– Гау!

– Гау ду ю ду, – пробормотала я в сторону, как ругательство. – Давай же, пошел, комон! Пока не пришел ОМОН...

Умница Монтик медленно и неуверенно сполз с лавочки и встал на четвереньки. Томка забил хвостом, поднялся на ноги и лизнул нового собрата в ухо.

– Тьяв-тяв! – невыразимо игриво вымолвила Ирка, поворачиваясь к Монте полубоком.

– Фу, Ирка, это пошло! – прошептала я.

– Заткнись, – сказала Ирка. – Значит, так, кобели и... гм... дамы! Слушай мою команду: сначала бегом, потом барьер, потом снова бегом, а там разберемся!

И мы всей стаей ринулись в обратном направлении. Том стелу перемахнул, Монтик перебрался, ловко подтянувшись, меня снова подбросила Ирка. Чтобы выгнать ее саму, я, не слезая с гребня, опустила за стелу стремянку, которую затем пришлось вытягивать. Возня с лестницей поглотила все мое внимание, и от общей суеты остались фрагментарные воспоминания: как Ирка скручивала в тугой комок резиновую бабу, заталкивая ее в сумку с неиспользованными афишами; как я волокла за угол к машине все ту же растопыривающуюся на ходу стремянку, между створками которой все время вклинивался Томка; как Ирка на пути к автомобилю с сумарем в руках пару раз немотивированно шлепалась на четвереньки – видно, успела привыкнуть.

Монте в этой кутерьме мы выпустили из виду – на три-четыре минуты, не больше, но этого оказалось достаточно. Когда, ревя мотором, наш четырехколесный друг вырвался из-за угла на оперативный простор, Монтика, оставленного под стелой, на месте не было.

– Сперли мужика, – со злостью проговорила Ирка. – Вот блин! Так я и знала!

– Может, сам ушел?

– От меня еще никто не уходил! – зловеще сказала Ирка.

– Тогда будем искать, – примирительно заметила я.

Затолкав собаку на заднее сиденье и привычно прикрутив поводок к раме переднего кресла, я выпрямилась, оглядела окрестности и решила:

¹ Ты собака, понятно? (англ.)

² Я хочу тебя спасти (англ.)

– Я направо, ты налево. Посмотрим в переулках, думаю, далеко он уйти не мог. Бегом! На беглый осмотр местности вблизи психиатрички ушло какое-то время. Когда я вернулась к машине, Ирка уже была там. Заглядывая на заднее сиденье, она что-то бормотала. Подойдя поближе, я услышала:

– Тю-тю-тю, хорошая собачка!

Беседовала она не с Томкой: рядом с моим псом устроилась еще одна, совершенно незнакомая овчарка.

– Откуда собачка? – едва отдышавшись, спросила я.

– Из лесу, вестимо! В смысле из психушки!

– Да ну?!

– Ну да! Упала со стены и напрямиком к нам в машину!

Это мне не понравилось: я боялась погони.

– Выгони ее из машины. Это наверняка служебная собака, милицейская. Что-то морда ее мне знакома, не иначе попадалась в какой-нибудь оперативной съемке.

– Она не уходит!

– Тогда закрой дверцу, а сама садись вперед! Быстро!

Оскальзываясь на листе, облетевшей с кленов за стеной, мы с Иркой разбежались по разные стороны автомобиля, заняли свободные от четвероногих сиденья и поспешно покинули место своего неудавшегося преступления.

Полковник Лапокосов смотрел на унылый скверик с сырой опавшей листвой в окно приемного покоя. На влажных лавочках, покрытых несколькими слоями слезающей краски, сидели пасмурные личности идиотской наружности. Наружность не обманывала: личности действительно были идиотами, олигофренами, имбецилами и прочими дебилами в законе – то есть согласно диагнозу. Неофициально статус почетного идиота полковник Лапокосов именно в эти минуты самокритично присваивал себе. Секретного агента Шило, внедренного в окружение подозреваемого в антиправительственном заговоре мелкого провинциального дельца по кличке Беримор, сначала потерял из виду, а потом своевременно не нашел именно он. За что и казнил сейчас себя и других. Полковник опоздал всего на четверть часа, но за это время Сидоров опять умудрился развернуть бурную деятельность.

– Показания очевидцев расходятся, – деликатно кашлянув, сказал лейтенант Филимонов. – Один из пяти свидетелей заявил, что пропавший был похищен инопланетянами киноидной расы, двое клянутся, что он оказался волком-оборотнем, четвертый очевидец конкретно ничего не сказал, потому что с тех самых пор повторяет одну только фразу: «Аки пес смердячий».

– А пятый? – Лапокосов неприязненным взглядом сверлил румяного лейтенанта в лазоревом халате.

– Пятый взялся показать, где прячется пропавший.

– И? – Полковник подался вперед.

– Привел меня в библиотеку. – Лейтенант вынул из кармана иллюстрированное издание «Маугли».

– Идиоты, – злобно бросил Лапокосов.

– Что с них возьмешь, – поддакнул капитан Сидоров.

Полковник с трудом сдержался.

– Следы?

– По траве явно волокли тело. Собака тоже была – крупная, возможно, овчарка. А вообще эти чертовы психи метались, как ненормальные, и так там натоптали...

– Мы нашу собаку по следу пустили, Карменситу, – оживленно сообщил капитан Сидоров. – Это же не сука, а Шерлок Холмс в юбке! То есть в ошейнике...

– И?

Сидоров пожал плечами:

– Взяла след, рванула через парк и как сиганула на стену– у кинолога руки разжались, поводок выпал... Карменситу до сих пор ищем...

Лапокосов зажмурился. Он, только он один, был посвящен очень важными людьми в подробности темной истории с пропавшим компроматом. Организация и проведение тайной операции по обнаружению и максимально деликатному изъятию «информационной бомбы» были возложены первыми лицами лично на него. Если агент Шило не выйдет на связь сам...

– Вы мне эту суку найдите, – жестко приказал полковник, имея в виду пропавшего. – Живым найдите, слышите?

– Так точно, – сказал капитан Сидоров. – Да вы, товарищ полковник, не сомневайтесь – наши ребята за Карменситу и сами переживают. Любят ее, тварь такую...

Полковник Лапокосов поперхнулся, вытаращился на капитана, потом крепко зажмурился, глубоко вздохнул и мысленно досчитал до десяти. Сидоров и Филимонов напряглись. Полковник открыл глаза и матерно заорал – так громко, что с клена под окном враз облетели последние листья.

– Жрет, сволочь, – умиленно пробормотал Вася Бурундук, глядя на Сержа, поглощающего сложный салат.

Салат состоял из крабовых палочек, консервированной кукурузы, свежих огурцов, риса и майонеза, на вид он являл собой густую разноцветную массу и ассоциативно назывался «Морская болезнь». Псевдоаристократ Беримор уважал салат за дорогую визну компонентов и пикантный вкус, ничуть не напоминающий макароны по-флотски, набившие оскомину во времена его малообеспеченного детства. Экономка, хозяйничающая в трехэтажном Бериморовом особняке, не стремилась разнообразить гастрономические пристрастия хозяина, в результате чего дежурный ужин Сергея Петровича на данный момент состоял из «Морской болезни» и пива. И то и другое в объемистой таре помещалось в холодильнике, пока Бурундук, исполняющий обязанности «прислуги-за-все», сервировал стол. Сервировка в стиле примитивизма-авангардизма объединяла в едином порыве крахмальную скатерть с кружевной оторочкой, севрский фарфор, серебряные вилки, трехлитровую эмалированную кастрюлю с салатом и пластиковые бутылки с пивом «Очаковское специальное». Кастрюлю Бурундук водрузил посередине стола – на равном расстоянии от Беримора и Сержа. Ни тот, ни другой до емкости дотянуться не могли, поэтому Вася с черпаком занимал пост у демаркационной линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.